

A man and a woman are featured in a promotional image. The man, on the left, is wearing a white tank top and looking upwards. The woman, on the right, is wearing a light pink lace-trimmed dress and resting her chin on her hand. They are positioned in front of a blurred cityscape.

Елена
Попова

ВОРОНА *для*

ЦАРЯ

Елена Владимировна Попова

Ворона для Царя

*Текст предоставлен правообладателем
2022*

Аннотация

Мой лучший друг Юрка вляпался в неприятную историю и стал личной игрушкой школьного бунтаря. Я за него вступилась и теперь нам вместе приходилось прятаться на переменах и убегать из школы со звонком.

Помочь отделаться от компании отморозков пообещал главарь банды соседнего района. Жаль, я не знала цену этой «помощи».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	53
Глава 7	63
Глава 8	72
Глава 9	80
Глава 10	87
Глава 11	97
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Елена Попова

Ворона для Царя

– Я вам нравлюсь, Скарлетт, признайтесь?

– Ну, иногда, немножко, – осторожно сказала она.

– Когда вы не ведете себя как подонок.

– А ведь я, сдается мне, нравлюсь вам именно потому, что я подонок.

(Маргарет Митчелл. Унесенные ветром)

Глава 1

Первый день осени. На улице тепло и солнечно, как в июльский денек. В школу шла налегке: в юбке, которая в том году была мне до колена, а теперь превратилась в мини. Раз мне не купили новую, решила переделать старую. Надеюсь, никто не заподозрит, что я носила ее в десятом классе. А у белой блузки, купленной вчера на рынке, отрезала рукава по локоть и пришила к ним кружева. Так она стала еще наряднее.

С каждым шагом на пути к школе боль в пальцах только усиливалась. Маме было трудно доплатить сто рублей на другие туфли, которые мне идеально подошли по размеру. Она вцепилась в эти, несмотря на то, что остался последний

размер, который меньше, чем я обычно ношу.

Ее жаба задушит, если потратит на меня лишнюю копейку. Бабушка передала ей денег не только мне на одежду и обувь, но и на новую сумку, которую мне не купили. И вчера весь вечер я пришивала ремешок к потрепанной сумке из искусственной кожи, с которой я ходила с восьмого класса. И куда мама потратила оставшиеся деньги? Не на новую ли блузку, в которой вчера крутилась у зеркала.

Со стороны школы слышался гул, музыка. Наверное, началось построение на линейку.

Лето кончилось и начинается рутина: уроки, контрольные, экзамены. От этих мыслей стало дурно. Но одно радовало: эта последняя в моей жизни школьная линейка. А дальше я пойду учиться в швейное училище и однажды стану знаменитым дизайнером и уеду жить в Москву, подальше от нашего, забытого Богом, города. А про район «Кресты», в котором я жила, старик, наверное, и понятия не имел. Назван так, потому что серые бетонные дома построены на старом кладбище. Здесь мрачные улицы с разбитыми дорогами, и разбитыми фанарями, много бомжей и алкашей, здесь каждый второй кому-то должен денег, в каждом доме ужасные, грязные подъезды с исписанными стенами, сгоревшими спичками, прилипшими к потолку, сожженными кнопками в лифтах, и сломанными перилами. Люди у нас злые, потому что каждый день видят этот пейзаж. Для молодежи тут два развлечения: дискотека в ДК, и стрелки между районами.

– Люська! – я вздрогнула от громкого голоса и обернулась.

– Юрка! – радостно завизжала я и кинулась на шею другу.

Он подхватил меня за талию и закружил.

– Т-ты чего не п-позвонила, когда п-приехала?! Мне мама только с-сегодня сказала, что ты уж пару д-дней, как в городе!

– А ты чего разволновался так? Неужто, сразила тебя своим торжественным нарядом? – я покрутилась перед другом.

Юрка Фомичев раньше вообще был сильным заикой. Несколько лет ходил заниматься к логопеду, и вот теперь заикается только когда волнуется.

– Звонила я тебе, и приходила позавчера, а у вас никого дома не было.

– Так мы два дня по рынкам ездили, шмотки покупали к школе.

– То-то я смотрю, приоделся, – хихикнула я, глядя на делового парня в черных брюках и синей рубашке в тонкую полоску.

Юрка показался мне таким взрослым. Вроде всего три месяца не виделись, а он так изменился: вытянулся, на фоне коричневого загара его зеленые глаза казались очень красивыми, глубокими, волосы выгорели у лица, а еще куда-то исчезли все его прыщи.

Мы не спеша шли к школе. Я рассказывала ему про чудесные три месяца, проведенные в деревне у бабули, а он о том, как шатался по дворам и сходил с ума от скуки и без-

делья.

Наши мамы дружат много лет. Они вместе работают в роддоме и обычно в одну смену. Но сейчас, пока другой врач в отпуске, моя мама работает почти каждый день, то в день, то в ночь, то дежурит целыми сутками.

Подошли к школе, где уже началась линейка. Я протиснулась к одиннадцатому «Б», Юрка к своему одиннадцатому «В». Директриса толкала торжественную речь, я от скуки зевала во весь рот, иногда вытягивала шею и искала глазами Юрку. Когда наши взгляды пересекались, строили друг другу рожи и смеялись.

– После школы меня дождись, прогуляемся, – говорила я Юрке, когда мы в толкучке пробирались в школу.

На доске была выведена надпись: «С новым 2002–2003 учебным годом!», а на другой половине доски большими буквами: «Маша Ромашова потеряла цепочку. Нашедшего просим вернуть в 306 кабинет». Машка племянница директрисы, поэтому всю школу в два счета оповестили о ее пропаже. А она сидела зареванная. Конечно, она понимала, что даже если кто-то найдет цепочку, то ее отнесут не в наш кабинет, а в ломбард. На Машку многие зуб точат, за то, что учителя ей подсказывают на контрольных и не ставят двойки если не сделает домашку. Хорошо быть родственницей директрисы, ничего не скажешь.

Сначала прошел урок знаний, где наша классная говорила о том, что грядет тяжелый последний год в школе. На класс-

ном часе играли в игру: «Угадай, кем ты станешь». Ой, до чего же затейница наша Юлия Борисовна, с ума бы не сойти! Мы по очереди доставали из коробочки бумажки, распечатывали их и говорили, какая профессия там написана. Никогда бы не подумала, что я буду сантехником! Весь класс смеялся, когда я это озвучила.

«Мухина, у меня унитаз засорился!» «Мухина, вантус в школу не забыла взять?» Юлии Борисовне тоже было весело. Терпеть не могла ни ее, ни моих одноклассников.

– Ну, до сантехника Мухиной еще расти и расти. Если и в этом году будет с двойки на тройку перекачиваться, то ей только дворником и работать!

А потом кто-то с задних рядов кинул на мою парту бумажку с надписью «дворник».

Я мысленно посылала всех к чертовой бабушке и корчилась от боли в ногах. Пальцы горели в тесных туфлях, как будто их поливали горячим воском.

Наконец-то нас отпустили по домам. Я вышла на улицу дожидаться Юрку. Из школы выходил народ, а его все не было и не было. Вышли несколько его одноклассников, какие-то все взбудораженные, что-то бурно обсуждали. Даже интересно стало, что там у них случилось.

В «В» классе частенько происходили какие-нибудь ЧП. Есть у них там такой Максим Царёв, для всех просто Царь. Он переехал в наш район два года назад, и тихая жизнь Юркиного девятого «В» превратилась в ад. Начались срывы уро-

ков, издевательства над ботаниками и учителями. Он почти сразу сколотил большую банду из самых отвязных парней школы. Кто-то из его класса, кто-то из параллельных, кто-то старше. Сейчас он главарь «Крестовских». На районе его все знают и побаиваются. Дерется круто, никого не боится. Его компания ошивается в «игровых автоматах», которые в прошлом году открылись в пристройке к общаге расположенной напротив моего дома. Бывало вечером идешь в магазин, и трясешься от страха, думаешь, как бы к тебе не прицепились. Но всегда как-то обходилось. Нас с Юркой они особо не трогали.

Царь, конечно, гаденыш, но всегда притягивал девчонок, как магнит. Он красивый, глаза голубые, волосы светло русые, и всегда взъерошенные на макушки, словно он только что снял мотоциклетный шлем. Высокий, предпочитает спортивную одежду, и особенно любит кепки, которые ему очень идут.

В прошлом году, прямо на крыльце школы, из-за Царя подрались две лучшие подруги. Они обе хотели с ним встретаться. Маячили около него в школе, у «игровых автоматов», пасли его у школьного подвала, где был расположен тренажерный зал. Царь занимался там почти каждый день после уроков. В итоге с одной из них он начал встречаться, а вторая слетела с катушек из-за ревности и набросилась на подругу. Парочка рассталась уже через месяц, а когда-то лучшие подруги так и остались врагами.

Наконец-то вышел Юрка. Весь красный, как будто его по щекам нахлестали, глаза испуганные. Я видела, как тряслись его ноги, когда он спускался по ступенькам.

– Не х-ходи за мной, Лю-лю-ська, не х-ходи, – не глядя в мою сторону, сказал Юрка и прошел мимо. Я догнала.

– Юр, ты чего? Тебя там что, били на классном часе?

– Нет, но с-сейчас, н-наверное, будут. И тебе п-попадет, если за мной пойдешь, д-дура! Отойди от меня!

– Никуда я не пойду! Вот еще! Своих не бросают!

– Эй, Фома! А ну стой! – слышалось сзади.

Я только успела обернуться и увидеть как на крыльцо вывалилась компания Царя, Юрка схватил меня за руку с криком: «Бежим, с-скорее!»

За нашими спинами слышался вист, крики и топот.

Мы петляли дворами. Из-за меня приходилось останавливаться. Я не могла бежать в ужасно тесных туфлях. Наверное, бегать с привязанными к ногам утюгами было бы куда проще. И я сто раз вспомнила маму нехорошими словами.

В одном из дворов остановились отдышаться. Юрка присел, выглянул из-за угла дома, резко соскочил на ноги, схватил меня за руку и мы снова уносили ноги.

– Спалили! – пыхтел Юрка.

– Зачем ты им нужен? – задыхаясь, спрашивала я на бегу.

– Да п-погоди ты! Н-надо сначала о-оторваться.

Мы побежали в рощу. Спустились к говнетечке, так мы называли узкую реку, и укрылись за деревьями.

– Тут нас не видно, – держась за живот, быстро дышал Юрка.

– Теперь-то расскажешь из-за чего эта погоня? – снимая туфли, спросила я.

– Видела Машка Ромашова ревела на линейке?

– Она и в классе ревела из-за своей цепочки.

– У нас в к-классе тоже на доске о-объявление н-написали: «М-маша Ромашова п-потеряла цепочку. Нашедшему п-просьба вернуть». А Царь в слове цепочка, букву «п» на «л» исправил. Весь класс у-угарал. Класнуха весь классный час к-кричала, спрашивала, кто это сделал, но Царя н-никто не заложил. А я на п-перемене Леху Беякова в-встретил из одиннадцатого «А» и рассказал ему, про то, что Царь сделал. И не з-заметил дурак, что прямо за нами ди-директриса шла и уши г-грела... В итоге Царя к ней в к-кабинет вызвали. Тот видимо отрицал, что это он букву исправил, так м-меня свидетелем позвали... Там-то я и подписал свой с-смертный п-приговор...

– Во дела-а-а... Фомичев, ты хоть понимаешь, что ты теперь стал его личной игрушкой на весь учебный год! В том году он Андрюху из нашего класса гнобил. Бедняге пришлось после второй четверти перейти в другую школу. А теперь тебя травить будут...

Мне было искренне жаль Юрку. В школе никто не хотел становиться жертвой Царева. А теперь этой жертвой станет мой лучший друг.

Но тогда я еще не знала, что я останусь крайней во всей этой истории. Что мне одной придется выживать и пройти через десять кругов ада. Это будет только моя война. И она началась, едва мы успели отдышаться.

– И кто же, кто же, у нас тут прячется? – слышался голос.

Мы с Юркой одновременно обернулись и увидели Царя. А за ним его свита, человек пятнадцать, не меньше.

Глава 2

Я не помнила, в какую минуту закончился тот кошмар. Как добралась до дома. Как вообще выжила после всего, что с нами сделали эти звери. Царь разбил пивную бутылку, схватил меня за хвост и через пару секунд на траву упали мои белые волосы. Он отрезал их горлышком. В мою белую блузку летели комки грязи, я стояла на коленях и со слезами умоляла их отпустить Юрку. Ему несколько раз ударили в живот ногами, пинали даже тогда, когда он лежал на земле свернувшись калачиком и стонал от боли. Эти гады не знали правила «Не бить лежачего». У Царя были свои правила: не бить по лицу, чтобы взрослые не видели следов от побоев, и как следует припугнуть, чтобы не посмели настучать родителям или учителям.

Помню, как на Юркину голову обрушили рюкзак, из которого высыпались учебники. Царь поднял их, и бросили в речку со словами: «Сегодня только первое сентября, ребятки. Всё интересное у нас впереди!»

Когда банда Царя смеясь и улюлюкая ушли, я, утопая в грязи, пробралась к речке за учебниками, а не то Юрка был совсем плох. Благо, учебники приземлились у самого берега, и их не унесло течением. Но все равно они здорово вымокли: набухшие корочки, страницы сырые, волнистые.

Спустя минут двадцать побрели в Юркин двор. Нам на

встречу шли нарядные школьники и смотрели на нас как на пришельцев: моя белая блузка была вымазана грязью, туфли из белых превратились в коричневые. Юрка был не лучше: его черные брюки как будто окунули в грязь, а на синей рубашке не хватало нескольких пуговиц.

Около часа мы просидели на скамейке в его дворе и приходили в чувство. Потом отправились к колонке на углу Юркиного дома, почистили его одежду. Мою чистить было бесполезно.

Мама обедала, когда я пришла домой. После ночной смены она обычно спала часов до трех, а сегодня проснулась раньше, и мне не удалось проскочить в свою комнату незамеченной.

– Ты где так вымазалась? – крикнула она, глядя на меня с кухни.

– Мам, тут такое было, – начала я. Мама выскочила из стола и с красным от ярости лицом подошла ко мне.

– Да ты хоть знаешь сколько денег я потратила на эту блузку? – прокричала она мне в лицо. – Ты что, их сама лично заработала? – мне прилетело по затылку. Я промолчала, что деньги были не ее, а бабушкина пенсия. – Мерзавка неблагодарная! Соплячка! – она схватила меня за руку и потащила в мою комнату, толкнула к кровати. Я сквозь слезы видела, как она вытащила ремень из моих джинсов, а потом избила меня им.

В последнее время я не кричала от ударов, и, кажется, да-

же не чувствовала боль. Иммунитет. Вся боль и свежие раны были в душе. Когда ты, живя в огромном мире, где много-много миллионов людей, не знаешь к кому бежать за помощью. Не знаешь, кому выплакать всю свою боль, кто тебя выслушает и пожалеет. А ведь именно для этого и существуют родители, не так ли? Любой ребенок нуждается в их поддержке и внимании. Но после того как из нашей семьи ушел отец, мама меня возненавидела. И всякий раз говорила: «Ты такая же, как твой отец!», «У тебя его взгляд. Не смотри на меня!».

Она ненавидела его, но он об этом даже не догадывался. Мирно жил в Петербурге со своей новой семьей. А вот я знала, как она его презирает, и чувствовала это каждой клеточкой своего тела. Всю агрессию на отца, она выплескивала на меня. Было такое чувство, что это я ей изменила и бросила, а не он.

Весь вечер я застирывала вещи. Пока пальцы не защипало от порошка. И только перед сном распустила волосы и расплакалась, увидев рваные пряди разной длины. Мои волосы были длиной почти до пояса, а теперь самые длинные были на уровне лопаток, а большинство волос обрезаны по плечи.

Когда мама ушла в магазин, я набрала Юрку, чтобы узнать как он себя чувствует и заодно договориться, что будем делать завтра. Пойдем в школу, или не пойдем? Если пойдем, то нужно по любому вместе.

— Людочка, у него голова разболелась. Лёг спать порань-

ше, — вежливо ответила тетя Оля.

Я знала, что Юрка не рассказал ей про то, что сегодня произошло. Царь пригрозил, что если пожалуемся родителям, то закопает нас на школьной площадке заживо. Да и мы оба понимали, что жаловаться родителям дело бесполезное и неблагодарное. Они придут к директору, закатят скандал, а толку-то? Царев умеет вести себя в таких ситуациях: он станет все отрицать, а его друзья подтвердят, что он в это время был, к примеру, в тренажерном зале, или играл в футбол на стадионе. Нет свидетелей, нет доказательств, нет наказания. А потом он начнет вытравливать нас из школы как тараканов. Так было с Андреем Голиковым из нашего класса в прошлом году. Царь засунул его голову в унитаз, тот на следующий день пришел в школу с матерью. Царя и его дружок вызвали на ковер, они дружно отрицали, мол, не трогали, не видели, не знаем. А потом стали выживать бедолагу из школы. И как всегда все делали предельно аккуратно и без свидетелей. Пару раз заперли в туалете, и Андрей пропустил уроки, за что ему влетело, а потом у Светки Прониной пропал кошелек и класнуха попросила нас выложить из рюкзаков вещи. И каким-то чудным образом кошелек оказался у Андрюхи. Его прозвали вором и возненавидели. Лишь некоторые из класса, включая меня, понимали, что его подставили. Андрей не выдержал и после зимних каникул перешел в другую школу.

Даже если я и попрошу маму поговорить с родителями

Царя, или с директором, она найдет тысячу причин, чтобы этого не делать. Ей плевать на меня и мои проблемы.

Она заметила, какая грязная на мне одежда, но не заметила, что мои волосы обрезаны. Она не дала сказать ни слова и сразу же схватилась за ремень. Если бы она только знала, что я сегодня испытала, через какое унижение прошла...

Подошла к столу, открыла ящик, достала дневник, который вела много лет, и забралась с ним на кровать. Пока листала свои записи, слезы падали и падали на страницы. Куда ни глянь, одни мои страдания. Вот тут я получила ремня из-за невымытой посуды, тут измерила линейкой красно-синие синяки. Мама избивала меня бляшкой от ремня. А я так и не поняла за что. Просто в тот день она была в ярости, из-за того что Гоша, врач-гинеколог, с которым она встречалась, перевелся в столичную больницу. И сорвалась на мне.

Мне бы очень хотелось, чтобы она снова вышла замуж, родила себе другого ребенка и отцепилась от меня.

«Сегодня одноклассницы пригласили меня отметить восьмое марта. Я радовалась, как бездомная собака, которой неожиданно с неба упали кости. Надела юбку с рюшами, которые пришила наспех, блузку, и пошла к Маринке Киселевой. Если б я только знала, что они позвали меня только для того, чтобы поиздеваться... Девочки развлеклись: оторвали рюши, сделали дырки на черных копронках, нацепили на меня балахон с группой Prodigy, и покрасили пудрой мои белые волосы в фиолетовый».

– Мухина, теперь ты не белая ворона, а настоящий панк! – вспоминала я их слова.

Потом Маринка щелкнула меня на polaroid и на следующий день эту фотографию увидел весь наш класс. Оказалось, что парни поспорили с девчонками, что те сделают из меня панка. На кону стоял диск с песнями группы «Руки вверх», которому была безумно рада победительница.

В классе считали меня странной из-за того, как я одевалась. Им не нравились мои перешитые вещи, смеялись, пытались их испортить. Сколько слез было пролито из-за этого. Но потом как-то все привыкли к моей одежде и перестали обращать на меня внимание.

На одной из страничек было написано, а позже зачеркнуто:

~~«Завтра я позову к себе кучу подруг, мы будем пить джинг-тоник, ярко краситься и танцевать под Земфиру. Обсудим всех парней в школе, устроим бой подушками, а потом пойдем на ночную дискотеку в ДК и будем до утра отрываться».~~

По щекам снова потекли слезы. Я обняла подушку и свернулась клубком.

– Ничего этого не будет. Ни завтра, ни послезавтра... Никогда, – прошептала я. – Я никому не нужна.

Наверное, если я встану на краю огромной пропасти и крикну «Спасите меня!», эхо ответит: «Прыгай. Никто даже не заметит, что тебя больше нет».

Взяла с подоконника плеер, перемотала на любимую песню, вставила в уши наушники и легла обратно на подушку.

«Зареветь, убежать. Или дверь на замок. И молчать, и лежать. Изучать потолок. И мечтать не как все. Целовать небеса. Потолок, карусель. Полчаса, полчаса...»¹

¹ Текст песни «30 минут» группы «Тату».

Глава 3

Утром мама разбудила меня, перед тем как уйти на работу. Войдя на кухню, обнаружила на столе записку: «Чтобы к моему приходу дом был вылизан!»

– И тебе доброе утро, – вздохнула я и бросила чайный пакетик в кружку с кипятком.

В нашей квартире три комнаты. Моя маленькая коморка, в которой уместился письменный стол, шкаф и кровать. Обоев в комнате почти не было видно из-за постеров моих любимых групп: «Тату», «Звери», «Руки вверх», и стена у кровати была полностью посвящена «Земфире». Следующая комната – бывшая спальня родителей, которая вот уже много лет комната-склад, где стоит кровать заваленная коробками со старым барахлом и моими детскими игрушками. Еще там гладильная доска, пылесос, какие-то вёдра. Мама перебралась в просторный зал почти сразу после развода с отцом. В теперь уже ее комнате клетчатый скрипучий диван, шкаф, трюмо с ее косметикой, и телек с DVD. Кухня у нас шестиметровая, тесная. Здесь помимо гарнитура еле уместился стол и две табуретки.

Каждый день после школы я драила полы во всей квартире, вытирала пыль, стирала белье, содой начищала кружки. А мама принимала уборку, когда приходила с работы. Если ей что-то не нравилось, то обязательно заставляла переде-

лывать. Однажды мне пришлось четыре раза вымыть полы. Ползала с тряпкой, пока спину не свело от боли. Наверное, она наивно думала, что если вымыть деревянные доски четыре раза, то они будут выглядеть лучше.

У телефона с барабанчиком был очень длинный провод, и его можно было перенести в любую точку квартиры. А так в основном он стоял в маминей комнате. Я принесла телефон на кухонный стол, намазала булку маслом, набрала Юрке. Никто не ответил. Неужели он уже вышел в школу?

Я расстроилась. Почему он не позвонил и не договорился со мной встретиться? Или, может, как обычно ждет меня у ликёро-водочного магазина?

Только я успела прикончить завтрак, как раздался звонок в дверь. Это был Юра. Лицо бледное, глаза потухшие, волосы торчали как антенны. Он молча прошел в мою комнату и упал на расправленную кровать, свесив ноги в дырявых носках.

– Надо нам разделиться, – вздохнул друг.

– В смысле? – закидывая тетрадки в сумку, возмутилась я. – Предлагаешь ходить по раздельности?

– Им я нужен, а не ты. Если бы вчера не поплелась за мной, то тебя бы вообще не тронули. Так что в школу пойдем не вместе. И в школе не подходи ко мне, – Юрка встал с кровати и собирался уходить. Я схватила его за руку.

– Юр, теперь это наша война! – Или думаешь, Царь от меня отстанет? Нет, ошибаешься! Вспомни, как он вчера гово-

рил, что мы оба не доживем до выпускного! Нас двоих будут травить, как бы мы не ходили, вместе или по раздельности!

– Я поговорю с ним, чтобы тебя не трогали. Ты не виновата, – грустно промямлил Юрка.

– Ага, – закатила глаза я. – Царь так тебя и послушает! – я кинула в него сумку. Юрка не успел увернуться, и сумка угодила ему в живот. Он сморщился и, держась за живот, опустился на кровать.

– Юрка, ты чего? – испугалась я.

Он приподнял джемпер, и от увиденного я едва не потеряла дар речи.

– Обалдеть... Вот это синяки...

– Думай, прежде чем кидаться, – гаркнул он.

– Родители не видели?

– Нет. Надо постараться скрывать их. А не то мать сразу в школу побежит разбираться. А еще сегодня физкультура. Не знаю, как и выдержу.

Я сочувствовала другу. Мои отрезанные волосы казались сущей ерундой, по сравнению с тем, что с ним сделали эти уроды.

Подошла к шкафу, достала черные брюки и синюю водолазку, сбегала в ванную, переоделась. Расчесала волосы, и попыталась забрать их в пучок, чтобы не было видно мою новомодную стрижку.

– А че, новый писк моды, Муха! – смеялся Юрка. – Стрижка от Царя: вам понадобится один неудачник и одно

горлышко от бутылки.

– Дурак! – засмеялась я. – Лучше дай сотню. Сегодня схожу в парикмахерскую, обкорнаюсь под каре.

– Да ну еще сотню тратить, попроси Царя, он подравняет. Эти шутки нам не казались веселыми. Они вызывали какой-то истерический смех, чтобы хоть как-то отвлечься от мыслей, что нам предстоит встреча с Царем и его друзьями.

По пути в школу Юрка разрабатывал план. Мы решили, что будем держаться рядом с учителями и в людных местах. Заскочили в магазин, купил две витушки с маком. Съедем, если проголодаемся, но в столовку ни ногой. Царь там на каждой перемене ошивается, отбирает мелочь у младших классов. Если будет надвигаться опасность, то убегаем. Сваливаем из школы первыми, так как Царь всегда выходит позже, он ждет дружков из разных классов и из школы они выходят большой бандой.

– Я как раз надела старые туфли. В них удирать будет проще.

– А я кросы. А не то вчера в новых ботинках неудобно было.

Мы без препятствий вошли в школу за минуту до звонка. Наверное, Царь и его дружки уже разошлись по кабинетам. У Юрки первым уроком была геометрия на втором этаже, у меня Физика – на третьем. Он проводил меня до кабинета, и пошел в свой класс. Я скрестила пальцы и волновалась за него весь урок. Ему-то некуда от Царя деться, они хоть как

встретятся в классе.

После физики в потоке учеников быстро проскочила в кабинет истории. Благо он тоже был на третьем этаже. А у бедного Юрки вторым уроком была физкультура. Из кабинета физики был хорошо виден школьный стадион. Юркин класс стоял в линию на разминке, а потом все побежали по кругу. Он был в середине, а Царь с двумя парнями из его шайки сбежали в конце. Юрка бежал медленно, придерживаясь за живот. Бедняга... Я вспомнила его синяки и представила как ему больно. На втором круге с ним поравнялись Царь и его дружки. Один из них толкнул Юрку в спину, Юрка едва не упал и оленьими прыжками бросился вперед.

– Мухина! Ворон за окном на переменах считать будешь! – гаркнула истери... историчка. Я уткнулась в учебник.

На следующей перемене пришлось идти в другой конец школы на урок черчения. В это время Юркин класс возвращался с улицы. Царь, закинув руку на Юркино плечо, и сдвинув кепку на бок, шел с очень довольным лицом в сторону спортивных залов. В прошлом году он точно так же ходил по школе с Антоном, которого вытравил. И теперь вся школа узнала, что Царь нашел себе новую игрушку.

Я побоялась, что с Юркой что-то сделают в раздевалке. Хорошо, если просто запрут, а не подвешат на крючок.

В голове быстро созрел план, и я догнала историчку, которая не спеша шла к расписанию.

– Ирина Леонидовна, вы на уроке спрашивали, кто сможет сделать копии, – протараторила я.

– Что, у тебя внезапно принтер появился? – усмехнулась она.

– У Юры Фомичева из одиннадцатого «В» есть дома принтер! – врала я. – Вон он, впереди идет!

– Фомичев! – крикнула она. – Юрка и Царь обернулись. – Ко мне подойди!

Царь шепнул ему что-то на ухо, а потом убрал с его плеча руку. Юрка с поникшей физиономией шагал к нам.

– Так, Фомичев, мне сказали, что у тебя дома принтер есть? – я стояла за спиной училки и кивала.

– Д-да... – ответил Юра.

– Держи! – она сунула ему в руки стопку бумаг. – Сделай по копии!

Мы бросились в младший блок и из-за угла наблюдали, как из коридора, ведущего в спортивные залы, выходят Юркины одноклассники.

– Вот молодец, Муха! Ничего другого не могла придумать?! – ворчал над ухом Юрка. – Где я тебе принтер высеру?

– Хоть бы спасибо сказал, что я спасла твою задницу! – обиделась я.

Из коридора послышался свист, смех, а потом вышла банда Царя с ним во главе.

– М-м-уха, у них мой р-рюкзак!

– Блин... – я стала кусать ногти и думать, как действовать

дальше.

– Меня не впустят на а-алгебру в спортивной ф-форме.

– Тогда нужно выхватить!

– Че-чего? – округлил глаза Юрка. – С ума с-сошла?

– Нас так и так будут вылавливать и бить! А мы должны защищаться! – я перекинула сумку через плечо. – Жди меня здесь! – и как стрела полетела по коридору.

Царь шел вальяжной походкой, раскачивая в стороны Юркин рюкзак. Я догнала его, схватила рюкзак, обогнула развалки и проскочила в младший блок. Мы забежали в туалет, закрылись в одной из кабинок.

– Ну ты дурная, Муха, – пыхтел Юрка, быстро стягивая спортивки. Я забралась ногами на унитаз, чтобы он мог развернуться в тесной кабинке. – Ну всё... Царь теперь точно захочет тебя прихлопнуть.

– Муха быстро летает! – глубоко дыша, сказала я.

В тот момент во мне словно включилось резервное питание. От мысли, что мы тоже что-то можем, был бешеный прилив сил. Я хорошо понимала, что эта выходка мне не сойдет с рук, но...

– Юр, не хочу, чтобы нас затравили. Наша банда – это ты и я. Не сравнить со свитой Царя, но мы должны бороться! – говорила я, пока Юрка переодевался. Потом слезла с унитаза, положила руки ему на плечи и очень серьезно проговорила: – Нам нужно сделать выбор: быть униженными и оплеванными, или принять вызов. Да, скорее всего мы проигра-

ем эту войну, но достойно! Над нами не будет смеяться вся школа и тыкать пальцами со словами слабаки и неудачники! Все боятся Царя! Вся школа! А мы войдем в историю, если попытаемся дать ему отпор!

Юрка судорожно вздохнул.

– Н-не знаю, М-муха... Еще ни у к-кого это не в-вышло...

– А мы попробуем! – хлопнув его по спине, уверенно сказала я.

Мы дождались звонка и вышли из туалета. Решили прогулять оставшиеся уроки и отправились в парикмахерскую, из которой я вышла с четким каре.

– А тебе идет такая стрижка! – восхищался друг.

– Надо будет сказать Царю спасибо, – хихикнула я.

Мы купили по мороженому, чтоб отпраздновать мое преобразование и пошли в парк – единственное красивое место в нашем городе. Сели на траве и стали размышлять как будем воевать с Царем. Юрец предлагал собрать компанию людей, кто когда-то пострадал от их шайки и держаться вместе. Я сразу отмела этот вариант.

– Ты что? Они струсят! Им лучше ходить по школе мышками, чем связываться с Царем. Надо что-то другое.

Но ничего другое на ум не шло. Даже на завтрашний день не было плана. Знали одно: идем в школу и выходим из нее вместе.

– Пойду на карате, буду драться как Джеки Чан, и Царь ко мне на километр не подойдет! – мечтал Юрка, развалившись

на траве.

– Угу... Булки ел и на диване валялся до одиннадцатого класса, а теперь на карате собрался, – усмехнулась я. – Надо было раньше об этом думать. Сейчас не пришлось бы прятаться... – я резко замолчала, увидев, как по мостику бежит маленькая девочка и падает в пруд.

Я не раздумывая бросилась в холодную воду. Воды мне было по шею, ребенок барахтался и захлебываясь, пытался крикнуть. Я быстро плыла к тому месту, где только что скрылась голова ребенка. Юрка с берега кричал «помогите!». Нырнула, схватила мелкую за руку и подняла её вверх над своей головой. Девочка выплюнула воду и расплакалась, к нам уже подросла подмога: какой-то парень бросился в пруд, выхватил из моих рук ребенка и быстро побежал на сушу. Я вышла из воды и упала на траву.

– Молодец, Муха! Ты человека спасла! – тормозил меня Юрка.

– Отвали, – тихо сказала я, и едва не расплакалась.

Героическое чувство быстро сменилось страхом, что только что на наших глазах едва не утонул ребенок. Кучка ребят, с которыми была девочка, быстро свалили. Юрка возмущался.

– Да это же настоящий подвиг! – крикнул он, глядя на удаляющуюся компанию.

– Куплю себе медаль шоколадную! – отлепляя штаны от ног, ровно сказала я.

– Вот гады! Даже спасибо не сказали!

– Ну не сказали и не сказали! – фыркнула я, а самой было обидно. Что бы с ней случилось, если бы я не подросла вовремя?

Тогда я еще не догадывалась, как этот подвиг совсем скоро изменит мою жизнь...

* * *

Нам тоже пришлось уйти из парка, так как я была промокла. Чтобы не привлекать к себе внимание, решили идти к нашим домам в обход, сначала полем, а потом по Сухонской – улице, где стояли одни деревянные дома.

– Тебя п-провожу и домой п-пойду!

– А чего опять разволновался? – сердито уставилась на Юрку. – Воины мы или нет? Смелчаки или трусы? Или ты нарочно предложил идти этой дорогой, чтобы не мимо школы?

– Ничего не нарочно, – пожал плечами друг. – И не волнуюсь я.

– Ага, я заметила! Заика! – я ткнула Юрку в бок.

После деревянных домов нам нужно было дойти метров двести до заброшенной швейной фабрики, и после чего свернуть в наши дворы. Сначала будет мой дом, а через пару малосемеек – Юркина общага.

– Юрка, сбавь шаг, я за тобой не успеваю! – ворчала я,

плетясь позади.

– В туалет хочу!

– Так сходи в кустики.

– По большому...

– А-а, – захохотала я. – От страха сейчас в штаны наложишь?

– Достала ты, понятно! Ничего не от страха!

Мы вырулили из-за швейки и замерли: прямо на нас шла компания Царя. Человек десять не меньше. Они плевались семечками, смеялись и резко замолчали, увидев нас.

– Уносим ноги! – крикнул Юрка и схватил меня за руку.

Быстро удирать не получалось – мокрые брюки облепили ноги и сковывали движения. Но крики за нашими спинами «Окружите упырей!» подгоняли так, что мама не горюй!

Мы добежали до деревянных домов. Юрка перекинул рюкзак через забор какого-то дома и прыжком очутился на заборе, протянул мне руку, я забралась, перекинул сумку, и мы спрыгнули в огород. У деревянного забора слышался топот, словно стадо быков пробежало, и крики: «Где эти уроды? Найти, найти их!»

Вот и вся наша смелость. Инстинкт самосохранения нас не спрашивал, когда мы увидели компашку Царя. В голову ударило одно слово: «Беги!».

Мы проползли к большому густому кустарнику, присели. Боялись даже дышать. А мое сердце колотилось так сильно, как будто оно вышло из строя.

– Туда они точно не побежали! – крикнул кто-то изда-
ка. – Где-то здесь затаились.

Совсем рядом с забором послышались шаги.

– Хохол, перелезай, глянь там! Бритва, а ты там посмот-
ри! – раздавал приказы Царь.

Из-за забора выглянула голова. Парень подозрительно
осмотрел все вокруг, и спрыгнул обратно.

– Тут чисто!

– Фух... – выдохнула я. – Пронесло.

Послышался громкий лай собаки с соседнего участка и
дикие крики:

– Укусила! Укусила!

Мы с Юркой прикрыв рты ладошками засмеялись.

– Идиоты, сами лезьте в чужие огороды! – выругался кто-
то. – А если бешенство?

– У тебя-то? Так мы знаем! – загоготали парни. – Теперь
и шафку заразил.

– Я серьезно, дебилы!

– Сорок уколов впаяют да и делов-то, – посмеялся кто-то.

– Я больше не могу терпеть, – шепнул Юрка. Лицо его
было красное как спелый помидор.

– Терпи дурак! Уйдут и сходишь!

– Кастет, проверь еще вон там! – приказал неугомонный
Царь.

– Чисто!

– Пошли отсюда, парни. Мне надо руку обработать!

– Ладно, сегодня мы вас упустили. Значит, завтра вас ждёт двойная порция наказания, – злобно проговорил Царь.

Послышался топот в сторону фабрики.

– Я сейчас обделаюсь! – сморщил губы Юрка.

– Терпи! Пусть уйдут подальше!

– Не могу!

Юрка стал пробираться кустами ближе к грядкам с картошкой.

– А если хозяин дома запалит? – шептала я.

– С-скажем, что мы волонтеры, пришли у-удобрять о-ого-род!

Ох и разволновался волонтер недоделанный. Присел так, чтобы я его не видела.

– Я сра-сра...

– Да молчи ты уже! – прошипела я. – Знаю я, что ты по большому уселся.

– Я сра-сразу убегу, д-дурочка!

Мы вылезли из огорода примерно через час. Успели за это время съесть почти всю малину с кустов и налопаться яблок.

До дома дошли без приключений.

Весь вечер прибирала квартиру, перед сном сделала уроки и забралась в кровать до прихода мамы. Лучше сделать вид, что сплю, чем с ней разговаривать.

Достала из под подушки дневник и записала в нем:

«Четверг, 2 сентября. Сегодня в школе я проявила смелость и спасла друга, а потом вытащила из пруда ребен-

ка. А вот Юрка весь день трусил, а потом еще и обгадил чужой огород! Хорошая у нас команда, ничего не скажешь! Посмотрим, как мы проживем завтрашний день...»

Глава 4

В школу шли как на войну. Юрка нёс тяжелую стопку бумаг. Тетя Оля распечатала на работе.

– Из-за тебя мне так от мамки влетело! Она историчку обругала и сказала, что пусть та сама печатает на казённом принтере.

– Сказал бы ей, что эти бумаги спасли твою задницу! – проворчала я.

Юрка нарочно запинаясь левой ногой об каждый поребрик, так сказать, на удачу. И «удача» улыбалась нам пираньей улыбкой со школьного крыльца. Царь и его дружки выстроились в линию и хищно смотрели на нас, мы – на них. Хохол, Егор Игнатюк из одиннадцатого «А», смачно плюнул и медленно вытер рот рукавом олимпийки. Кастет, Саша Фролов из одиннадцатого «Д» – крутил в руках железную цепь, а Царь смотрел то на меня, то на Юрку, как будто выбирал с кого из нас сегодня начнет свой день.

– Блин, Муха... Они т-т-очно нас п-поджидают, – Юрка опустил голову и пошел очень медленно.

– Смотри, там физрук идет! Давай за ним!

Мы подбежали к физруку и пристроились рядышком. Царь и его дружки расступились и проводили нас гневным взглядом. Проскочили в школу и быстро разбежались по классам.

Мы договорились со звонком высказывать из кабинетов и встречаться в нашем тайном месте – туалете младшего блока.

– Смотри, какую записку он мне подбросил на географии, – Юра сунул мне смятую бумажку. Внутри был нарисован парень с очень страшным лицом и клыками, на его майке красной ручкой была нартсована кровь, на руках, держащих битку, тоже. А ниже написано: «Если свалите после уроков, закопаю!»

– Надо еще как-то продержаться один урок, – вздохнула я, и кинула записку в унитаз.

После последнего урока мы договорились встретиться на крыльце и бежать к моему дому. Я ждала Юрку на улице и нервно кусала ногти. Сейчас из школы повалит народ, и Царь с друзьями. Да где он черт возьми? Может, что-то случилось? Или урок задержали? Я не находила себе места от волнения.

На улицу повалил народ. Мимо меня прошло больше половины Юркиных одноклассников, но среди них не было ни Юрки, ни Царя, и никого из его банды.

– Маш, а Юра где? – спросила его одноклассницу.

– Он дежурит, – улыбнулась она и пошла дальше.

– Только не это... – я схватилась за голову. Похоже, Юрка влип...

Зашла обратно в школу, поднялась на второй этаж и заметила у окна в конце коридора компанию Царя. Кто-то при-

свистнул. Кто-то засмеялся.

– А вот и наша подружка! – пропел один из них.

Я быстро прошагала к кабинету географии. Учительница сидела за столом и проверяла тетради. Юрка ставил стулья на парты, а Царь ходил со шваброй по кабинету.

– Мухина, ты чего тут забыла? – спустив очки на кончик носа, спросила географичка.

– Вот все и в сборе, – хищно улыбнулся Царь.

Юрка кивнул мне в сторону выхода. Я помотала головой. Без него не уйду!

– Можно я Юру подожду? – спросила я.

– Подожди, – пожала плечами учительница и вернулась к тетрадкам.

Пока географичка не видела, Царь ударил Юрку шваброй между лопаток. Юрка вскрикнул. Географичка подняла на них глаза. Царь закинул руку на Юркино плечо и заботливо просюсюкал:

– Ударился? Ну что ты какой неаккуратный! Смотри, куда идешь!

Царь, пританцовывая, перемещался по кабинету. Вдруг он сильно стукнул шваброй по полу.

– Царёв! – крикнула географичка. – Ты прибираешься, или дурую маешься?

Царь наклонился и поднял с пола дохлую муху.

– Мухи тут разлетались, Марина Евгеньевна, – Царь поднял на меня глаза и добавил: – А их нужно убивать!

Географичка взяла следующую стопку тетрадей. Царь ки-
нул муху к моим ногам и еле слышно произнес:

– Тебе крышка!

Парни закончили уборку. Пора выходить из класса, а мои
ноги словно прикрутили болтами к полу. Мы с Юркой оба
понимали, что как только выйдем из кабинета, окажемся в
ловушке. Царь и его свита точно пойдут за нами.

– Марина Евгеньевна, а вы еще будете работать? – спро-
сила я.

– Кончено! – фыркнула та, не отрываясь от тетради.

Я надеялась, что мы сможем выйти с ней из кабинета, а
там уже убежать. Но, увы... идти нам пришлось вдвоем.

– Кто-то сейчас будет наказан, – пропел Царь, спускаясь
за нами по лестнице.

– Кто-то ответит за сорок уколов, – пропел еще один, с
забинтованной рукой.

Вышли на улицу. На крыльце стоял еще один друг Царя,
которого называли Бритва, так как он всегда брился наголо.
Бритва в прошлом году окончил школу, ему восемнадцать,
а может, и больше. Противный, прыщавый, здоровый, как
бык.

– Ух ты! Кажется, мы сегодня здорово повеселимся! – ска-
зал Бритва, глядя на нас с Юркой. Он поздоровался за руку
сначала с Царем, затем со всеми остальными.

Нас обступили со всех сторон. Пятеро шли впереди, двое
по бокам, и Царь сзади.

– Поворачиваем направо, друзья мои! – добрым голосом сказал Царь и положил руки на наши плечи.

Деваться было некуда и нам пришлось свернуть к гаражам. Как только от наших глаз скрылись школьные окна, нас, толкая в спину, повели вперед.

Остановились по приказу Царя. Он смачно харкнул на землю, и подошел ко мне.

– Ворона у нас осмелела? – прищурился он. – А ведь ты мне была не нужна. Только твой дружок, – он кивнул на Юрку. Снова харкнул и улыбнулся. – Ну что ж, так даже интересней.

– Не трогайте ее! Она ни в чем не виновата! – неожиданно очень смело заявил Юрка, и даже ни разу не заикнулся.

– Подруга твоя? – спросил Царь. – Ты ради нее на все пойдешь? – Юрка уверенно кивнул.

Царь подошел к Бритве, который быстро курил, дергал ногой, и с большим интересом смотрел то на меня, то на Царя, то на Юру.

– Дай-ка сюда сигу, – попросил Царь.

Бритва подал ему дымящуюся сигарету. Царь подошел к Юрке. Я напряглась, зная, что Царь не курит. Тогда для чего ему нужна сигарета?

– Держи, – по-доброму сказал Царь, протягивая сигарету Юрке.

Юрка не знал, чего от него хотят. Медленно поднес сигарету к губам.

– Э-э, не, не! – засмеялся Царь. Остальные тоже взорвались смехом.

– Какой наивный. Думает, его сюда позвали покурить, – сказал Хохол.

– Затушишь об свою руку, и я ее не трону, – Царь кивнул на сигарету. – Давай, докажи, что ты ради нее на все готов!

– Не надо Юрка! – крикнула я.

– Так-так, интересненько, интересненько... – потирая ладони, с широкой улыбкой сказал Царь. Ему явно нравилась эта игра.

Он взял у Бритвы зажигалку, схватил меня за руку, другой рукой чиркнул зажигалку и поднёс ее к моему запястью.

– Ты, или она! – ледяным тоном сказал он Юрке. – Парни, ставим ставки!

– Полтинник, что струсит! – крикнул кто-то.

– Сотка, что затушит!

– Фома, ставки поставлены. Выбор за тобой.

Сквозь слезы я видела, как дрожали Юркины руки, когда он подносил к руке сигарету. Закрыв глаза и сморщив лицо, он затушил окурок об руку и закричал от боли.

Царь отпустил меня.

– Вот молоде-е-е-ц! – похлопал ему Царь. – Смотри-ка, не соврал! И правда горой за свою ворону!

Юрка тряс рукой и быстро дул на нее. Я плакала и умоляла отпустить нас.

– Слушайте, пацаны, а вы верите в дружбу между парнем

и девкой? – все ответили отрицательно. – Вот и я не верю! – Царь повернулся ко мне. – Поцелуй его! – он кивнул на Юрку. – Я замотала головой. – Целуй, или Бритва снова захочет покурить.

Поцеловать Юрку тоже самое, что поцеловать брата. Именно так я всегда к нему и относилась. Но как только представила, что об его тело снова затушат сигарету, робко пошагала к нему.

Заглянула в покрасневшие от слез глаза. Встала на носочки и прислонилась губами к его холодным губам. Он даже не разомкнул их. Наверное, как и я, не смог. Но, слава богу, этот поцелуй, если его можно так назвать, прокатил.

– И-и-и-х-а-а! Как мне нравятся мои игрушки! – восторженно крикнул Царь. – Какой веселенький намечается год!

– Дай пять, братан! – смеясь, сказал Царю Бритва.

– И мне, – подхватил Хохол.

Остальные тоже подошли к Царю. В гаражах эхом отскакивали их хлопки и дикий смех.

– Теперь вы не друзья! – крикнул нам Царь. – Сегодня ваша дружба разорвана поцелуем! Да Благословит вас...

– Эй! – слышался крик на нашими спинами. – Чего тут собрались?! А ну кыш отсюда! – из зеленого гаража вышел мужчина, держа в руках железную трубу.

– Тихо, тихо отец! – выставил перед ним ладони Царь. – Мы уже уходим, – он повернулся к нам. – Увидимся завтра, друзья мои! – подмигнул он. – И смотрите там, не шалите

после первого поцелуя.

Глава 5

Мы поплелись в парк. Не хотели идти по домам, пока наши мамы не уехали на работу. Сегодня они обе работают в ночную смену. По пути зашли в аптеку, купили самую дешевую мазь от ожогов и пластырь.

Юрка верещал на всю улицу, когда я аккуратно размазывала мазь, едва касаясь красного пятнышка на его руке. Когда пришли в парк, кинули рюкзак и сумку на траву, и устроились на них с витушками с маком и полтора литровой бутылкой лимонада.

Долго обсуждали произошедшее, проклинали Царя и его дружков. Пытались понять, как будем действовать дальше.

– Ну что, Муха, все еще не жалеешь, что пошла тогда за мной? – с набитым ртом спросил Юрка.

– А чего жалеть-то? – пожала плечами я и запила булку лимонадом. – Мне только на пользу: на пробежках скинула пару кило, и стрижка у меня теперь новая, – мы засмеялись.

– А у меня теперь шрам на всю жизнь останется! Как у настоящего бандита! – Юрка выставил руку с пластырем.

Да, мы искали плюсы в дерьме, в которое нас окунули. Другого выхода все равно не было. Если постоянно реветь и жаловаться на жизнь, то можно запросто слететь с катушек, или еще хуже – сделать с собой что-то непоправимое. Смех помогал на какое-то время забыть про унижения и боль.

– Царь сегодня физкультуру сорвал. Учителя запер в тренерской.

– Интересно, почему его до сих пор не выгнали? Ведь он почти каждый день срывает уроки и хамит учителям. Его не то, что из школы нужно выгнать, таким как Царь место в аду!

– Зато знаешь, какой он шаристый. Все контрольные пишет на четыре, пять. У доски любые формулы щелкает как орехи. Я бы не поверил, что он такой умный, если бы не видел своими глазами, как он отвечает у доски.

– Помнишь, у нас с вашим классом был спаренный урок геометрии? Вот тогда-то у меня глаза на лоб и полезли. Ни один из двух классов не смог решить то уравнение с косинусом. Училка тогда одного за другим к доске вызывала. Столько двоек наставила! А Царю понадобилось меньше минуты, чтобы справиться с уравнением.

– Во-во! В Царе как будто уживаются два разных человека: один – конченный придурок, а другой – всезнайка, которого спроси на любом предмете, и он ответит так, что все рты пораскрывают.

– Интересно, почему он перевелся сюда из другой школы? И неужели правда, что там был паинькой.

– Думаю все же это слухи. Вспомни, как он сегодня поднес к твоей руке зажигалку. Разве скажешь, что он когда-то был паинькой?

– Да, кстати, спасибо, что вступился за меня. А не то ожог мог бы быть на моей руке.

– Да ладно тебе. Ты же знаешь, что я не дам тебя в обиду. Никому.

Сегодня я посмотрела на Юрку другими глазами. Я всегда считала его трусливым, и подумать не могла, что он сможет за меня вступить. Честно, когда Царь поставил его перед выбором, я подумала, что Юрка не сможет сделать себе больно, и уже приготовилась почувствовать как моя кожа будет плавиться. Но он не позволил им это сделать. За что я была ему очень благодарна.

– Юр... А тебе не противно было, ну это... ну...

– Целоваться?

– Угу.

– Нет.

– А ты вообще когда-нибудь целовался?

– С кем, Муха? Ты же знаешь, что у меня никого не было.

– Ну а с помидором-то, небось, целовался? – Юрка поперхнулся газировкой, и она полилась у него из носа. Я захохотала на весь парк.

– Чего? – он вытаращил на меня огромные глаза.

– А что тут такого? Мне кажется, все на помидорах учились.

– Я – нет!

– Ой, да не выдумывай хоть, – усмехнулась я и забрала у него бутылку.

– Ну и не верь! – закатил глаза Юрка, и откусил большой кусок витушки.

Я не стала продолжать тему с нашим поцелуем и не призналась ему, что даже, несмотря на то, в каких условиях мы поцеловались, мне понравилось. Я впервые почувствовала губами чьи-то губы. И сейчас, отойдя от шока, я понимаю, что раз за разом возвращаюсь к мысли, что мне было мало. Как будто тебе дали попробовать что-то очень вкусное, но лишь маленький кусочек, и ты даже не успел распробовать его на вкус, и тебе хотелось еще, и еще, и еще. А как будет, если раскрыть губы? А если с языком? Это вообще приятно чувствовать чужой язык? Наверное, что-то подобное испытывает шарик мороженого.

Лежала на траве и смотрела как Юрка чавкает, рыгает от газировки, и думала: а что, если мы будем встречаться? Мы всё друг о друге знаем, наши мамы дружат, я могу довериться ему любую тайну, и теперь я знаю, что он способен меня защитить. Еще мне с ним весело, и у нас много общих интересов. Мы никогда не ругаемся, когда решаем что посмотреть или какую музыку послушать. Юрке всегда нравилось как я перешивала одежду, и он никогда не считал меня странной. Поэтому с ним я могу носить все, что мне вздумается, и ему это тоже будет нравиться. А еще за это лето Юрка изменился, повзрослел и вытянулся, даже черты лица стали грубее, а тело – мужественнее. И наплевать, что у него почти всегда дырявые носки и он часто рыгает, даже за столом. Если бы я с ним только-только познакомилась, то я бы могла влюбиться в его красивые зеленые глаза, а потом и в него всего.

Наверное, в тот вечер стоило поговорить с ним об этом, но я не решилась. И очень скоро об этом пожалела...

Из парка вышли только к вечеру. Наши мамы уже уехали на работу, и я попросила Юрку сегодня остаться у меня. Заскочили к нему, он собирал учебники на завтра, а я под громкий храп его отца шарила по полкам, на которых стояли коробки с DVD дисками, и искала что-нибудь, с чем мы сможем скоротать вечер.

– О! Давай «Титаник» посмотрим!

– Фу, это девчачья тема. Найди «Бригаду».

Я нашла коробку с диском и чмокнула Космоса.

– Обожаю тебя! – проговорила любимому герою фильма.

Юрка покрутил пальцем у виска.

– Саня Белый намного круче! – сказал он.

– Как хомяка назвал? – я бросила взгляд на клетку, в которой сидел толстый зверек и испуганно смотрел на меня глазами бусинками.

– Да никак. Просто Хома.

– Тебе летом купили, а он до сих пор без имени? – возмутилась я. – Давай назовем его... – я взглянула на коробку с диском, которую держала в руках. – Пчёла! О, точно, Пчёла! – засмеялась я.

– Угу... Хомяк Пчёла. Отлично! – надевая спортивные штаны, бормотал Юрка. – А что не хомяк Крокодил? А может, назвать его Бегемот? Или Носорог?

Я подошла к клетке, внимательно смотрела на хомяка.

– Носорог, иди ко мне, Носорог! Не Юрка, Носорог точно не катит. Посмотри как он быстро бежит, перемещается по клетке, как будто летает! Он точно Пчёла.

– Смешная ты Муха, – друг закинул руку на мое плечо. – Раз ты Муха, то пусть он будет Пчёла. Уболтала!

Мы собрали пивные бутылки его отца. Получилось два больших пакета. Сдали их в ларёк и на вырученные деньги купили чипсов, арахиса, и мармелад.

Весь вечер смотрели «Бригаду» в маминой комнате. Юрка, вдохновившись фильмом, надел черный плащ моей мамы, солнечные очки, и с очень важным видом выхаживал по комнате изображая Космоса.

– Такая тачка только у меня и у Майкла Джексона!

Я хохотала на всю квартиру, пока соседи не постучали по батарее.

О Цареве не вспоминали. Нам так было хорошо и беззаботно, что мы решили представить, что его просто не существует.

Так и улеглись спать на мамином диване, который бал весь в крошках. Юрка сразу вырубился, а я записала в дневник все, что сегодня произошло, затем накатала шпаргалок для контрольной по экономике и забралась в кровать, обняв Юрку.

Утром встали пораньше, чтобы успеть прибраться. Я пылесосила пол и кровать в маминной комнате, а Юрка мыл посуду. А как только пришла пора выходить в школу, мы оба помрачнели.

– Ну что, Муха, в тыл врага? – судорожно вздохнул друг.

– Идем! – хлопнула его по плечу я, и первая вышла из квартиры.

Как обычно условились встречаться на каждой перемене в младшем блоке. Нам нужно было продержаться еще два дня до выходного.

На экономике заработала двойку. Училка заметила у меня шпору и вытащила ее из рукава водолазки. В контрольной я написала полный бред. Конечно, вчера мне было не до пустяков. Какое там готовиться к контрольной, когда тебе угрожают прижечь руку и заставляют целоваться с другом.

– Людка! – услышала я, когда вышла из кабинета.

Увидев Юрку, подумала, почему он здесь, а не в нашем тайном месте?

– Короче, Муха, сегодня Царь нас не тронет.

– С чего бы вдруг? – удивилась я.

– Его мать вызвали в школу из-за того, что он вчера сорвал физкультуру. Сейчас они вместе пошли к директрисе.

– Надеюсь, ему хорошо влетит.

– Даже не сомневайся! Физрук очень злой на него. Я слышал, как он говорил нашей классной, что будет требовать, чтобы Царева отчислили.

Я даже взвизгнула от радости.

– Хоть бы физрук настоял на своем! Юрка, давай скрестим пальцы!

И со скрещенными пальцами мы пошла в столовку. Мы оба знали, что дружки Царя к нам не прицепятся без него. Разве что толкнут в коридоре, или косо посмотрят. Поэтому шагали в столовую смело, чтобы отметить нашу маленькую победу.

– А помнишь, как раньше мы брали одну порцию на двоих, чтобы сэкономить денег, а потом тратили их на всякую ерунду, – улыбнулась я.

– Ага, – ковыряя ложкой котлету, вздохнул друг. – Еще в прошлом году все было совсем по-другому... Хочется вернуться в первое сентября и прожить этот день заново. Тогда Царь нашел бы себе нового объекта для издевательств.

– Что сделано, то сделано, – я отодвинула тарелку с холодными макаронами, пересела на скамейку к Юрке и взяла его за руку. – Прошное нам не изменить, но зато мы можем повлиять на будущее, если в настоящем будем держаться вместе. Друг за друга горой, – подбодрила я Юрку.

Юрка сомкнул ладони и поднес их к губам.

– Хоть бы его отчислили, хоть бы его отчислили, – закрыв глаза, шептал он.

До урока оставалось пятнадцать минут. Из столовки мы свернули в коридор, ведущий к лестнице на второй этаж, где располагалась библиотека. Пожалуй, здесь самое тихое место в школе. А на первом этаже, прямо под нами был кабинет директора. Его было видно с балкончика, на котором мы и устроились. Я зубрила историю, чтобы не завалить предстоящую самостоятельную. А Юрка присел на корточки и перекатывал с ГДЗ домашку по алгебре.

Я вздрогнула от громкого крика.

– А ну все разошлись по кабинетам!

Мы с Юркой выглянули с балкона и увидели физрука, который быстро шел по коридору и кричал на каждого, кто попадался ему на пути.

– Чего это с ним? – прошептала я.

– Похоже, он вышел из кабинета директора.

– Такое ощущение, что не Царь урок сорвал, а физрук, и ему за это хорошо влетело, – прошептала я, увидев, как Петр Борисович резко снял с шеи веревку со свистком и быстрыми шагами направился к спортивным залам.

Из кабинета директора вышла женщина в строгом брючном костюме.

– Мать Царя, – шепнул Юрка.

Прежде я ее не видела, лишь слышала от Юрки, что ее вызывали в школу.

Женщина, скрестив на груди руки, мерила шагами коридор.

Дверь кабинета снова открылась, и оттуда вышел Царь. Закинув на плечо рюкзак, он прошагал мимо матери.

– Максим! – крикнула она. Царь остановился. – Чего ты этим добиваешься? Разве мы к этому шли долгие годы? Разве такого результата я от тебя ожидала?

Царь развернулся и, наверное, впервые за два года я увидела его совсем другим: сам бледный, взгляд потухший. Ни одна его черта лица не напоминала прежнего дерзкого парня, с хищной улыбкой и игривым взглядом.

– Лучше быть таким, какой я есть сейчас, чем жить в аду, – едва слышно проговорил он, глядя на мать пронзительно и горько.

– Да ты мне сам спасибо скажешь, когда у тебя будет хорошее образование и достойная работа! – прокричала она. Что тебе даст отец? С тех пор, как ты к нему переехал, становишься хуже и хуже! Мне, да с моей-то должностью, приходится бегать к директору твоей школы и выслушивать о твоём поведении! Ты представляешь какой это позор для меня? Сейчас драки в школе, срывы уроков, а потом что, пойдешь по стопам отца и загремишь в тюрьму? – мать подошла к Царю, который все это время молча слушал ее, расправила на нем синюю спортивную куртку, поправила взъерошенные волосы.

– Максим, еще не поздно все исправить. Ты же знаешь, что я всегда хотела как лучше для тебя. Вспомни, каким ты был умным мальчиком, каким послушным, – теплым голо-

сом сказала женщина. — Да, я виновата перед тобой. И даю слово, что если ты вернешься домой, то у нас все будет по-другому. Я не хочу, чтобы ты сломал свою жизнь, сынок.

— Поздно мама, — холодно ответил Царь. — ТЫ начала лгать ее, как только я научился разговаривать. А теперь, без твоего разрешения, я буду таким, каким мне хочется быть!

Царь закинул рюкзак на плечо, развернулся и пошел по коридору.

— Ты об этом пожалеешь! — крикнул ему в след женщина.

Прозвенел звонок. Мы с Юркой бросились вниз и разбежались по кабинетам.

Во время самостоятельной по истории в мою голову забились разные вопросы: кто его мать? Почему физрук вышел от директрисы таким разъяренным? Почему Царь переехал к отцу? И вообще, кто же он все-таки такой этот Максим Царев?..

Глава 6

Неделя прошла на ура! Нас никто не трогал. За это спасибо доблестной милиции: на прошлых выходных компашка Царя стащила из магазина пиво. Их поймали, отвезли в участок и сделали предупреждение, что если еще раз на чем-то попадутся, то их поставят на учет. Теперь ходили по школе смирные, никого не задирали. Изредка отпускали в наш адрес какие-то шутки. Или могли толкнуть в толпе. Мы с Юркой все равно старались убегать из школы первыми и не шатались вечером по району.

На улице похолодало, и стало очень красиво: листья на деревьях пожелтели, дорожки были усыпаны ими. Вот за что я люблю осень! Она на пару месяцев приносит ярких красок в наш серый город и, кажется, люди становятся немного добрее.

И в мою комнату осень принесла яркие краски: в окно упирались ветки большого клена, а во время дождя красно-желтые листья прилипали к стеклу, как снежинки, которые я вырезала, когда была маленькой, и клеила их на стёкла.

Сегодня решила утеплиться: надела легкую серую курточку, которую мне в том году купила бабуля, и осенние замшевые ботинки. На правом вместо язычка на молнии висела булавка. Язычок сломался прошлой осенью, после чего я тратила кучу времени, чтобы расстегнуть и застегнуть мол-

нию. А мама все никак не могла отнести ботинок в ремонт. Вот мне и пришла идея прикрепить булавку, чтобы долго не возиться.

– Ну что, спорим, что он и сегодня будет как шелковый? – я протянула руку Юрке.

– Ты и так разбогатела на его доброте. Я тебе уже полтинник проспорил!

– А потому что трусишь! Постоянно думаешь, что он к нам прицепится.

– Ага, вот тебе бы руку прижгли чинариком, и ногами по животу пинали, я бы послушал, как ты заговорила, – обиделся Юрка.

– Только плохое и помнишь, – фыркнула я и убрала руку в карман.

– Ну, целоваться под приказом тоже было как-то не очень, если ты об этом.

Я промолчала. Не стала говорить, что мы сто раз оставались наедине, но он не пожелал повторить это.

* * *

Первым уроком был русский. Нас выпустили из кабинета только в конце перемены, так как за урок не успели пройти новую тему. А потом пришлось быстро бежать в спортзал на физкультуру. И только после второго урока я пошла искать Юрку.

В коридоре меня выловил Царь, обнял за талию и так шел со мной до столовки. За нами шли его дружки и посмеивались.

– Фома не приревнует? – шепнул он мне на ухо. – Кстати, как прошла ночь после первого поцелуя? Предохранялись?

Я шла молча, скрестив на груди руки.

– А где он кстати? Что-то я давненько его не видел... Может, его где-то заперли и он горько плачет «Помогите, спасите, кто-нибудь...»

Я резко остановилась.

– Где он? Где ты его запер? – крикнула я, и скинула с себя его руку.

Царь смотрел на меня очень сосредоточено, как будто о чем-то размышлял, затем улыбнулся чему-то своему, коснулся кончиков моих волос.

– Теперь мне нравится твоя прическа, – и в следующую секунду его губы оказались у моего уха, – Во-ро-на.

– Где Юра? – злобно проговорила я.

– Поищи. А я буду тебе говорить горячо или холодно.

Я побежала обратно в коридор, увидела парня из Юркиного класса и поспешила к нему.

– Какой у вас будет урок? Юрка в кабинете? – парень задумался.

– После первого урока пропал куда-то. На химии его уже не было.

– Вот уроды!

– Кто? – нахмурился парень.

Ничего не объяснив, побежала в туалет младшего блока, подумав, что он мог там спрятаться. Но я ошиблась. А когда вернулась в холл, там меня ждала компашка Царя.

– Холодно, муха, холодно, – широко улыбался Царь.

Я побежала к актовому залу, подумав, что Юрку могли спрятать там.

– Холодно! Очень холодно! – раздался его крик.

Я остановилась на пару секунд, подумала, что он просто сбивает меня с верного пути и побежала дальше. Дернула за ручку. Актальный зал был закрыт. Пошла обратно. Царь стоял облокотившись на подоконник и с довольным видом наблюдал за моими метаниями. Я направилась в сторону раздевалок.

– Эй, Мухина, смотри!

Я обернулась. Царь внимательно смотрел на муху, которая летала возле окна. Замер на несколько секунд, а затем резко хлопнул по ней, аж стекло задрожало. Взял дохлую муху в руки и подошел ко мне.

– Съешь ее, и я расскажу, где твой дружок, – он вытянул ко мне руку с мухой.

За его спиной выстроились его дружки. Они смеялись и спорили между собой, съем, или нет.

– Ешь ее сам! – процедила сквозь зубы я. Царь заключил муху в кулак.

– Ай, ай, ай... – помотал он головой. – Что ж... Ты сделала

свой выбор! – он снял рюкзак с плеча и вытащил из него черные брюки. – Узнаёшь? – спросил он.

У меня не было сомнений, что это Юркины брюки: я ему их подгибала и сразу узнала кривоватые швы. В голову забралась страшная мысль: сейчас Юрка где-то заперт, да еще и раздетый. А может, и избитый?

Я попробовала выхватить брюки, но Царь бросил их одному из своих дружков, а сам подошел ко мне вплотную, так близко, что я чувствовала на своем лице его дыхание с запахом мятной жвачки. Он взял мою руку и положил в ладонь дохлую муху.

– Пусть она напоминает тебе, что я делаю с теми, кто много жужжит!

Прозвенел звонок и они отправились по кабинетам.

Вместо геометрии я оббежала всю школу. Проверила все мужские и женские туалеты, заглянула под лестницы и в спортивные раздевалки. Но Юркин след простыл. Я понятия не имела где его заперли. Брела по коридору в полном отчаянии и сильно расстроилась из-за друга. Как вдруг откуда-то послышался голос.

– Люська! Мухина! – я закрутила головой по сторонам. Чисто. Откуда голос?

– Юрка? – тихо спросила я.

– Иди к запасному выходу.

Да как же я сама не додумалась там проверить?! – хлопнула себя по лбу и побежала к двери.

Дверь запасного выхода всегда была закрыта на большую железную задвижку. А там тамбур, и еще одна дверь, ведущая на улицу.

Отодвинула задвижку, открыла дверь и облегченно вздохнула, глядя на Юрку. Он стоял в рубашке, трусах, носках, ботинках, и слава богу, целый и невредимый.

– Закрывай скорее! – гаркнул друг, и затащил меня вовнутрь.

– Блин, Юрка, как так вышло?

– П-поймали меня по-о-сле алгебры и с-сюда затащили. Велели штаны снять... Их с собой за-а-брали а меня заперли тут. А я и постучать не мог, бо-боялся, что в таком виде м-меня вся школа засмеёт! Хорошо хоть тебя увидел в замочную скважину, – вздохнул он и запустил пальцы в волосы. – Я так б-больше не могу... Надо что-то делать! Надо что-то п-придумать, Муха! Или я прошу мать перевести м-меня в другую школу!

– Ага, умный какой! – возмутилась я. – А меня тут одну оставишь? Моя мать и слушать не станет о другой школе.

– А что п-предлагаешь, по школе голым разгуливать? Муха, м-мы только первый месяц отучились, в-впереди еще целый г-год! – казалось еще чуть-чуть и из Юркиных глаз вырвутся слезы.

– Ладно, без паники, сейчас что-нибудь придумаем, – я выдернула из пакета красные физкультурные штаны. – Держи!

– Ты че, они ж девчачьи! – фыркнул Юрка.

– Тогда иди в трусах! – я стала запихивать штаны обратно, но Юрка выдернул их из рук.

– Ладно, давай... – буркнул он и напялил мои спортивные.

Они ему были коротки, тесноваты, и очень смешно смотрелись с его классическими ботинками. Я не сдержалась и из моего рта вырвался смешок.

– Тебе еще бабочку на шею, и смело можно в цирке выступать.

– Весело тебе? – Юрка был злой и красный как штаны.

Я вышла первая. Прошла до входной двери. На горизонте мелькала только уборщица. Вернулась к Юрке.

– Идем! Все чисто!

Добежали до Юркиного дома, там он переоделся в свои серые спортивные, и мы отправились ко мне. Всю дорогу Юрка громко ругался и твердил, что он больше так не может и мечтает учиться в другой школе. Я успокаивала его, обещала, что мы обязательно что-нибудь придумаем. Главное не сдаваться и держаться вместе.

Моя мама была дома. Готовила обед и параллельно смотрела какой-то фильм по маленькому телику на кухне. На удивление она была сегодня очень доброй. Сказала, что прибралась в моей комнате, расставила на полках книги, погладила мои вещи и развесила их в моём шкафу. Пригласила нас за стол, поставила тарелки с борщом и села вместе с нами обедать.

– Ну что, как сегодня прошел ваш день? – я чуть не поперхнулась. Она этот вопрос не задавала с начальной школы.

– Нормально, – пожал плечами Юрка.

«Нормально» – повторила про себя я, вспомнив, как он стоял в тамбуре без штанов.

– А у тебя? – улыбнулась она.

– Тоже, – ровно ответила я и принялась дуть на горячий борщ.

Мама многозначительно помолчала, обиженно глядя на меня. Наверное, ей хотелось поговорить, услышать от меня что-нибудь интересное. Но поезд давно ушел. И след его простыл. Мне всегда казалось, что разговаривать с мамой по душам и пытаться вести диалог с фонарным столбом – одно и то же. Хотя... со столбом, пожалуй, болтать будет куда приятнее, чем с ней. Он не будет перебивать и постоянно акцентировать внимание на себе, как это зачастую делает мама.

Зазвонил телефон и она так резко схватила трубку, как будто от этого звонка зависела ее жизнь.

– Привет, привет! – заулыбалась она. – Подожди минуточку, – размотав провод, она пошла с телефоном в свою комнату и закрыла дверь.

– Чё это на нее нашло? – удивился Юрка.

– Фея добра укусила! – усмехнулась я.

– Я ее никогда такой не ви...

– Цыц! – шепнула я, и вышла изо стола.

Подошла к маминой комнате и прислонилась ухом к две-

ри.

– Сегодня? Да, выходной. А что, хочешь на свидание пригласить? – ангельским голосом промурлыкала мама.

Я вернулась за стол.

– У мамы новый ухажер. Понятно теперь, почему мы такие добрые! – Я бросила ложку в борщ, он расплескался, и белая скатерть тут же стала в розовую крапинку.

– Ты чего, Муха? Ешь, вкусно же!

– Аппетит что-то пропал...

Юрка быстро прикончил обед, и мы пошли в мою комнату. Он плюхнулся на кровать, положив руки на живот.

– Ух, хорошо-о! – протянул он с довольным лицом. – И чего ты такая хмурая? Подумаешь, ухажер.

– А ты не догадываешься? – съязвила я. – Юрка помотал головой. – Вот сейчас она добрая, сюси-пуси, а как только этот ухажер её бросит, так опять на меня весь яд спустит!

– А вдруг не бросит, и она останется такой доброй навсегда?

– Ах, если бы... – вздохнула я.

Позже мы вышли во двор. Сели на турниках с семечками и уже даже не строили никаких планов, и не думали, как пережить завтрашний день. Все равно что-то может пойти не по плану, например, как сегодня. Стоило нам немного расслабиться и перестать прятаться, как Царь дал о себе знать.

А еще меня очень тревожили Юркины слова о переходе в другую школу. Если Царь ему еще что-то сделает, то он

точно сорвется и я останусь одна на поле боя.

– Юр, поклянись, что ты никогда меня не бросишь! – я взяла его за руку.

Юрка сплюнул шелуху, вздохнул, накрыл своей рукой мою руку и неохотно ответил:

– Клянусь.

– А я клянусь, что никогда не брошу тебя!

Совсем скоро я вспомню нашу клятву и пойму, что она и гроша ломаного не стоила...

Глава 7

– Ты все запомнила? – я кивнула. – Тогда расходимся по домам и сразу за дело!

Как и договорились, когда я вошла домой, сразу проскочила в туалет, просидела там минут десять, потом отправилась в свою комнату, легла на кровать и свернулась клубочком, держась за живот.

Мама зашла ко мне только спустя час, с бигудями на голове, в каком-то новом платье с желтыми цветами, и с очень ярким макияжем.

– Люсь, ты чего спать-то улеглась? Еще же рано.

– Плохо мне, – вымолвила я. За час я успела хорошо вжиться в роль больной.

– Живот, голова? Что болит? – она присела рядом.

– Тошнит и живот крутит, – я потрудилась сделать очень страдальческое лицо.

Мама закатила накрашенные глаза и тяжело вздохнула. Было видно как она недовольна тем, что я «заболела».

– Суп у меня свежий... Может, в школе что-то съела?

– Мы с Юркой покупали по пирожку с котлетой. Ему тоже плохо стало.

– Чем они там детей кормят? Протухшими котлетами? – возмутилась она. А я еще сильнее свернулась и сморщила лицо, притворяясь, что у меня очень сильно прихватило жи-

вот. – Сейчас принесу таблетки.

Через минуту мама вернулась с четырьмя таблетками активированного угля и стаканом воды.

– Я сейчас уйду ненадолго. Если станет хуже, постучись к соседке, может, у нее есть что-нибудь от отравления.

Ну, конечно, когда торопишься на свидание, то таблетки и соседки начинают творить чудеса. От всех болезней вылечат! Да ладно, пусть уходит на свое свидание. Мне не нужно, чтобы она со мной возилась. У нас с Юркой другая цель.

Как только мама закрыла за собой дверь, я соскочила с кровати и побежала к телефону.

– Алло, – шепнул Юрка.

– Ну что, прокатило?

– Ага. Мама сказала, что завтра дежурного врача вызовет.

– Круто! – радостно крикнула я. – Моя ушла на свидание. Когда придет, скажу, что мне еще хуже стало. Так что и мне, наверное, вызовет врача.

* * *

Неделя пролетела как один день. Нам с Юркой ни разу не удалось встретиться, тетя Оля взяла на работе больничный и всю неделю сидела с «больным». Лечила его от несуществующего отравления. А я сходила с ума от безделья. Когда мамы не было дома, пересматривала любимые фильмы, играла на приставке, изредка садилась за учебники, чтобы вникнуть

в те темы, которые проходил наш класс. Как мне нравилось ложиться спать с мыслью, что завтра нам с Юркой не угрожает опасность, что никто с нас не стянет штаны, и не поведут в гаражи. Но больничный закончился и нам снова пришлось вернуться в школу. А там нас ждала приятная новость: оказывается, на школьной дискотеке Царёв сцепился с парнем из десятого класса. Видимо, пока нас не было, он нашел себе новую жертву. Тому парню сильно досталось: синяк под глазом и сломана рука. Говорят, что родители десятиклассника устроили такие разборки, что теперь Царю грозит исключение из школы за любую оплошность. И мы снова задались вопросом: почему только «грозит» а не отчислили? Если бы на его месте был кто-то другой, то давно бы уже выгнали из школы.

Мы с Юркой пришли к выводу, что директриса либо дружит с его матерью, либо его мать имеет над директрисой сильное влияние. Иначе быть не может. Юрка попытался вынюхать у одноклассников, кем работает мать Царя, но о его семье никто ничего не знал.

Сейчас директриса следить за Царем почти на каждой перемене, приходит в столовую, когда он там. Юрка сказал, что она и на нескольких уроках присутствовала.

Мы все равно передвигались по школе очень осторожно, старались не маячить возле его компании и убегать из школы со звонком. Мы оба знали, что как только директриса ослабит контроль над Царем, он снова примется за нас.

Я с трудом написала контрольные за четверть. Еле-еле вытянула на тройки по нескольким предметам, а по истории написала на «два». Подучила, переписала контрольную, и написала доклад по теме «Февральская революция в России». И с горем пополам вытянула на тройку.

А вот Юрка хорошо справился контрольными. В основном написал на четверки. В отличие от меня он готовился пока сидел на больничном. Вообще он неплохо шарит в алгебре и геометрии, когда посидит над учебниками. В прошлые годы по этим предметам у него были хорошие оценки, он всегда разжевывал мне новые темы и помогал с уроками. И если бы в этом году его голова не была занята планом выживания в школе, то он мог бы закончить школу с хорошим аттестатом.

На днях бабушка прислала деньги мне на новую зимнюю куртку, и я с нетерпением ждала выходные, чтобы отправиться с мамой на рынок. Наконец-то я избавлюсь от старой дубленки, и этой зимой мне не будет стыдно ходить в ней школу. Хочу яркую куртку, может, красную, или желтую.

Маму в последнее время видела очень редко. Она приходила поздно, когда я уже спала. Все время проводила со своим новым ухажером. Как-то раз слышала, как она по телефону рассказывала подруге, что он у нее такой завидный мужчина, подарками одаривает, то браслетик, то сережки. В ее комнате каждую неделю стоят свежие цветы. И за последние дни она ни разу на меня не прикрикнула. Ее перестала вол-

новать невымытая посуда, грязные полы. Спасибо доброму дяде за то, что подарил мне это счастливое время. Кажется, моя жизнь начала налаживаться. Остается только молиться, чтобы он ее не бросил.

Как-то ночью я проснулась от громкого хлопка, и ничего не понимая спросонок, побрела в ее комнату, но притормозила у двери, услышав музыку и мамино хихиканье.

– Тише, Людка же дома, – промурлыкала мама.

Включив свет в прихожей увидела на крючке мужскую синюю куртку и ботинки, размера сорок последнего. Похоже, мамин Жорик появился в гости.

В ту ночь я уснула с рассветом. Они без конца бродили по квартире, то в туалет, то на кухню, громко шептались, на кухне звенели стаканы, стучал нож по разделочной доске, раздался еще один хлопок. Видимо, пошла еще одна бутылочка шампанского.

Когда я проснулась от будильника, в прихожей уже не было одежды Жоры. Зато на кухонном столе стояли пустые бутылки из под шампанского и наполовину пустая коробка шоколадных конфет. В нашем доме очень редко бывали сладости, в основном по праздникам, поэтому я с жадностью набросилась на конфеты и съела почти все. А оставшиеся три конфетки надкусила, чтобы посмотреть какая в них начинка. Круглая была с орехами, моя любимая, и ее я отправила себе в рот. А оставшиеся две закрыла в коробке.

Мама проснулась, когда я завтракала. Видок у нее был

ужасный: глаза узкие, как у китайца, лицо заплывшее, и от нее очень сильно несло алкоголем.

– Люд, сделай мне кофе, пожалуйста, – мама опустилась на табуретку, и принялась массировать виски.

– У тебя вчера были гости? – спросила я, наливая кипяток в чашку.

– Ага, – зевнула мама. – Тетя Света приходила. Посидели недолго.

– М-м-м... – я взглянула на пустые бутылки.

Она что, держит меня за дурочку? Она скрывает что у нее был мужчина, так как еще несколько лет назад она таскала в наш дом едва ли не каждого первого встречного. Пыталась как можно быстрее устроить свою личную жизнь. Один из таких гостей ночью обчистил нашу квартиру, украл мои серебряные серьги, и почти все мамины украшения. Тогда я очень сильно рассердилась и все рассказала бабуле. Она устроила маме ТАКОЙ разбор полетов, после чего мама пообещала ей встречаться со своими ухажерами только на стороне. Но все равно приводила их в наш дом по ночам.

Я поставила перед ней чашку с ароматным черным кофе и села напротив.

– Ох, бедная тетя Света, – как бы невзначай сказала я, и откусила булку с маслом.

– Почему? – нахмурилась мама.

– Ну как же, мам, представляешь, каких трудов ей стоит, чтобы найти обувь такого большого размера.

Мама поперхнулась и закашлялась. А я допила чай и с улыбкой пошла в комнату собирать сумку. Пусть она знает, что я уже не маленькая девочка и не верю в сказки про ночных подруг.

* * *

– Слушай, а ты не хочешь к бабушке съездить на осенние каникулы?

– Можно, – пожала плечами я и сунула ноги в сапоги. – Только в выходные съездим на рынок за курточкой.

– Ой, Люд... Куртку пока не купим. Мне пришлось потратить деньги на продукты, – виновато проговорила она.

Меня это привело в бешенство. Ведь бабушка выслала денег МНЕ на куртку, а не на продукты.

– Отлично! Как всегда! – с глубокой обидой крикнула я. – На себя деньги есть, а то, что я зимой буду ходить как нищенка в старой дубленке, тебя совсем не волнует! – в моих глазах застыли слезы. Я так мечтала о новой куртке.

– Возьми да перешей что-нибудь! У тебя очень хорошо получается превращать старые вещи в новые. Вон, можешь взять мех от капюшона моей куртки и пришить на воротник своей дубленки.

– Конечно, мам, – шмыгнула носом я. – А следующей зимой я оторву мех, и будем считать, что у меня СНОВА НОВАЯ ДУБЛЕНКА! – прокричала я, и выбежала из квартиры,

хлопнув дверью.

Во мне кипела обида пока я шла к супермаркету, у которого обычно встречаемся с Юркой. За что она так меня ненавидит? Я же не прошу у нее покупать мне что-то дорогое и супер модное, например, джинсовые клеши или ботинки на высокой платформе. Мне просто осточертело ходить в старье! С тех пор, как я перешила мамин платок в юбку, она решила, что в новых вещах я больше не нуждаюсь. Очень удобно устроилась! Отдавала мне свои старые юбки, платья, чтобы я сшила из них что-нибудь «новенькое» а сама только и делала, что обновляла свой гардероб на алименты от отца и бабушкину пенсию.

* * *

Сегодня в школе проходил праздник осени. Его по традиции устраивали перед осенними каникулами. Мы сидели в актовом зале на третьем ряду, а прямо за нами расположилась компания Царя. Юрке пару раз ударили в спину, меня – дернули за волосы и пожужжали над ухом.

– И в конце нашего праздника наша дорогая Ирина Борисовна выступит с прощальной речью, – объявила в микрофон завуч.

Директриса вышла на сцену. Я зевала во всю варежку. Терпеть не могла эти прощальные речи, как будто не на недельку расстаемся, а навсегда.

– Дорогие коллеги и ученики! Мне очень сложно далось это решение, но, все же, я его приняла: я ухожу с должности директора! – Мой рот так и остался открытым. Юрка поперхнулся и закашлял на весь зал.

– Как жаль, Ирина Борисовна, – раздался голос Царя за нашими спинами. – Нам так будет вас не хватать! – иронично говорил он.

Директриса натянуто улыбнулась и продолжила трогательную речь, как ей дорога стала школа за пять лет и как она всех нас любит.

– А теперь хочу представить вам нового директора школы, – она подозвала девушку в строгом черном платье и с выражением лица, как у трусливого зайчонка. – Молодая, но очень перспективная Юлия Викторовна!

Я уронила голову в ладони. Это финиш! Если Ирина Борисовна хоть как-то могла держать Царя в ежовых рукавицах, то эта молодая особа ему точно будет по зубам. И Царь уже это понял. Как только новая директриса закончила пищать в микрофон, губы Царя оказались возле моего уха.

– Друзья мои, ну наконец-то! Наконец-то мы снова будем весело проводить время, – весело сказал он и похлопал нас по плечам. – Игра только начинается!

Глава 8

Мы с Юркой первыми выскочили из актового зала и пулями полетели домой, чтобы Царь на радостях не начал свою игру прямо сейчас.

Новость об уходе директрисы испортила нам хороший настрой на каникулы.

В тот день мы с Юркой зависали у него и ломали голову над тем, как будем выживать после каникул. Но ничего разумного на ум не пришло. Юрка снова завел разговор о смене школы, но дал слово, что без меня не уйдет. И мы договорились, что сначала я поговорю с мамой, и если мне получится ее уговорить, то он поговорит со своей.

И следующим утром у меня как раз появилась отличная возможность завести с мамой этот нелегкий разговор.

Она проснулась в приподнятом настроении, кружилась по квартире и порхала как мотылек. На удивление, она даже была попросить у меня дневник с оценками за четверть. И я почему-то была уверена, что если б она увидела там девять троек, то ничего бы не сказала, а еще и погладила по голове. Уж слишком странно она вела себя в последнее время. Я пришла к ней в комнату, села на диван. Мама красилась у своего туалетного столика.

– Мам, я хочу перейти в другую школу! – я решила не заходить издалека, а перейти сразу к делу. Она, малюя губы

красной помадой, равнодушно спросила.

– А чем эта не устраивает?

– Просто... Мне тяжело там, и...

– Ну, милая моя, – усмехнулась она и принялась снимать бигуди. – А где сейчас легко? Вон, у меня на работе, рожают одна за другой каждую смену, но я ведь не жалуюсь, что к концу смены с ног валюсь! – она повертела головой, запустила пальцы под волосы и навела на голове пышноту.

– Надо мной один парень издевается. Я не хочу туда возвращаться после каникул.

– Хм... Ну, бегаёт за тобой мальчишка, заигрывает. Это нормально. Значит, ты ему нравишься, – улыбнулась она своему отражению и, открыв румяна, принялась полировать щеки. Такое ощущение, что она вообще думала только о том, какая она красивая, и не слышала о, чем говорю ей я.

Я стащила с волос резинку.

– Он мне волосы горлышком от бутылки отрезал, Юрке сигарету об руку затушил, преследует нас на каждой перемене! Я не вернусь в школу после каникул! Забери документы и переведи в другую! – заревела я.

Она наконец-то оторвалась от зеркала, встала со стула, и уткнула руки в бока.

– В школу ее переведите! Учиться не хочет, уроки делать лень! У тебя выпускной класс! – закричала она. – Какой может быть перевод?

– Он. Мне. Во-ло-сы от-ре-зал! – захлебываясь слезами,

прочеканила я каждое слово. – Помнишь, у меня почти до пояса были, а теперь каре!

– Ты же говорила, что в парикмахерской подстригли, – прищурилась она, подозревая меня во лжи.

– Ну так понятное дело, мам, мне пришлось их подравнять!

– А мне очень нравится! Тебе так даже лучше, – взглянув на мою голову, сказала она. – А не то раньше постоянно лохматая ходила.

– А если он мне лицо изуродует, ты тоже скажешь, что мне так даже лучше? А если он убьет меня! А если он кислотой меня обольет! А если...

– Хватит! – рывкнула она. – Умеешь ты настроение испортить! Лучше всего получается! – она смахнула с туалетного столика косметичку, и все её содержимое рассыпалось по полу. Я зарыдала еще сильнее и попятилась к окну, подумав, что сейчас она возьмется за ремень. – А ну успокойся! – приказала она. – После каникул схожу в твою долбанную школу, чтоб ее, и поговорю с директором.

Я закричала в истерике.

– Документы забери, мам! До-ку-мен-ты! Не надо к директору ходить жаловаться, только хуже сделаешь!

– Так ты помощи пришла просить у матери или как?

Я подошла к ней и, глядя на нее сквозь слезы, спросила еще раз.

– В последний раз спрашиваю, заберешь документы из

школы или нет?

Она сделала умное лицо, как будто размышляет как правильно поступить.

– Если бы это был не выпускной год, то...

Я выбежала из ее комнаты, влетела в свою и хлопнула дверь так, что стекла в комнате задрожали.

Рыдала в подушку, держа в руке иконку, пытаюсь достучаться до небес.

– В чем я так провинилась? Чем заслужила такое отношение? Почему всем, даже родной матери, плевать на мои проблемы? – Ведь я всегда была честной, доброй к людям, никого не обзывала, ни завидовала, ни сплетничала, ни предавала, ни обманывала, ни унижала, ни воровала. Неужели я не заслужила просто спокойно учиться в школе? – завывала в подушку я. – У кого просить помощи? Куда бежать? Что может остановить Царева? Пожалуйста, дай мне ответ, – пропищала я, и поцеловала иконку. – Сделай так, чтобы Царев нас больше не трогал. Избавь нас от него, прошу, умоляю. Пусть свершится какое-то чудо, которое навсегда избавит нас от унижений и мы сможем спокойно доучиться до выпускного.

Утром набрала Юрку и рассказала ему плохую новость. Он сильно расстроился, поругал мою маму, а потом тяжело вздохнул и сказал, что нам снова понадобится план на следующую четверть, но это уже после того, как я вернусь.

На все каникулы уехала в деревню. С любимой бабулей я забыла о школе, Царе, и даже о Юрке. Мне было так спокойно и хорошо в ее уютном теплом деревянном домике, что я готова была остаться там навсегда. Мы каждый день что-то пекли: пироги, блины, сырники. Перед сном она мне читала книги. Мы гуляли по лесу. Иногда просто так дышали воздухом, а иногда собирали клюкву и потом варили из нее морс.

– Что не хвастаешься, какую куртку тебе купили? – спросила бабуля, когда мы возвращались из леса.

– Еще не ездили на рынок, – ответила я.

Если расскажу ей, что мама решила отложить покупку, то бабушка рассердится, пойдет к своей приятельнице в поселок, который находится в десяти километрах от деревни, позвонит маме и выругает ее. А когда я приеду домой, мама выругает меня, за то, что рассказала.

– Куртку обязательно купи, Людочка, – поставив ведро с ягодами у входной двери, сказала бабушка. – Пожалей-ка моль! – ба засмеялась. Я нахмурилась, не понимая о чем она.

– Моль, говорю, помрёт от твоей облезлой дубленки. Это тряпье пора выбросить!

– Согласна... – вздохнула я.

Когда бабушка спрашивала как у меня дела в школе или дома, я расплывалась в улыбке и показывала «класс». Зачем

грузить ее своими проблемами? Я уеду, а у нее будет болеть за меня сердце. Поэтому для бабушки у меня как всегда все отлично, много подружек, и в дневнике одни пятерки.

* * *

Совсем без настроения возвращалась домой. Дорога была долгая. Двести километров по разбитому асфальту казались вечностью. Автобус плелся как черепаха и на кочках раскачивался из стороны в сторону. Я как могла старалась отвлечься от мысли, что завтра мне предстоит пойти в школу и каким-то образом пережить еще два месяца до зимних каникул. Прислонилась лбом к окну, смотрела на серый пейзаж: голые деревья и грязные поля. Ела пирожки, которые подала мне в дорогу бабуля, и угощала женщину сидящую рядом.

– Ну что, отдохнула на каникулах? – жуя пирожок с картошкой, спросила попутчица.

– Угу... – вздохнула я.

– Ох, какая же прекрасная школьная пора! Какой прекрасный сейчас у вас возраст, – мечтательно улыбалась она.

Потом начала что-то рассказывать про свои учебные годы, про какие-то походы всем классом. Я кивала ради приличия, делая вид, что мне это интересно, а сама думала: когда я буду старенькой, как она, интересно, что буду рассказывать своим внукам?

«И вот тогда вашей бабуле отрезали волосы!» – а потом выплуну вставную челюсть и хрипло засмеюсь, добавив, что она у меня тоже со школьных лет, потому что мне все зубы выбили!

Одному богу известно, дотяну я до выпускного или нет... Как Царь будет вести себя с новой директрисой?

В последнее время меня часто посещала мысль о том, что единственный способ избавиться от страха и унижений – сбежать из дома. Заберусь в товарный поезд и уеду куда-нибудь подальше от забытого богом города, и от всего, что меня окружает. Заодно я облегчу задачу Юрке: он без угрызения совести перейдет в другую школу. Думаю, мама тоже не будет сильно горевать по мне. Разве что бабушку жалко... Она – единственный человек на планете, кому на меня не наплевать.

* * *

Мамы дома не было, но она оставила на кухонном столе записку: «Я ушла в ночную смену. Суп в холодильнике, вещи твои постирала, погладь их сама. Если бабушка передала денег, то положи на комод в моей комнате».

Я подскочила и выронила из рук записку, когда кто-то громко постучался в дверь. Пока шла по коридору, постучали еще раз пять. На цыпочках подкралась к двери и посмотрела в глазок. Это был Юрка.

– Совсем что ли? Ты чего так колотишься? – выругалась на него я.

– И тебе привет, – сказал он быстро дыша. Нырнул в квартиру, снял кроссовки, выдернул из кармана куртки какую-то бумагу, взял меня за руку и повел на кухню. – Муха, ты даже не можешь себе представить, какой у меня зашибентовский план! – радостно воскликнул Юрка, распечатывая бумажку. – Если все получится, то мы будем под надежной защитой вплоть до выпускного! – Юрка положил на стол записку, на которой были нарисованы какие-то квадратики с номерами, мост, дорога со стрелочками, ведущая к квадратику, на котором была надпись: «Вокзал».

– И что это? – я хмуро смотрела на листок.

– Это, Люска, маршрут к нашей свободе!

– погоди, ты тоже думаешь сбежать из дома? – удивилась я.

– Нет, Муха, кое-что посерьезней! – и голос Юрки опять стал похож на голос Сани Белого.

– Тогда не томи, выкладывай!

Глава 9

– Не Юрка, это смертный приговор! Я на такое не пойду.

– Это наш единственный шанс дотянуть до конца года, Муха! А если завтра Царёв с тебя штаны стянет? Вот только представь, что ты будешь делать? Прятаться в какой-нибудь подсобке, или разгуливать по школе в одних труселях? Пойти к ним – самое верное решение, и надо действовать прямо сейчас, иначе они сами найдут Царя, и тогда мы упустим свой шанс, – Юрка сел на кровать, закинул руку мне на плечо, вздохнул. – Люсь, сам Бог нам помощь послал, а ты от нее отказываешься.

«Сам Бог» – сказал Юрка. И тут я вспомнила, как недавно молила небеса о помощи. Может, действительно, это и есть та самая помощь? Но идти туда, куда предлагал Юрка, было очень рискованно и страшно.

– Я боюсь их! Там компания человек сто! Все крутые, старше нас и ездят на тонированных тачках. К кому к кому, но к бановским...

Бан, это район у вокзала, в который никто не любил соваться. Старшим бановским лет от двадцати двух до тридцати. Их в городе боятся и стараются обходить стороной. Эти парни так просто никого не трогают, и никогда не нападают толпой на одного. Но если они едут на стрелку, то хана их врагам! Еще бы, с таким-то войском, вооруженным битами

и травматическими пистолетами. Все это я знала по слухам: «Бановские опять кого-то подстрелили», «бановские сцепились с зареченскими и половину зареченских в больницу отправили», «бановские сожгли тачку главара затоновских». В общем слова «бановские» и «криминал» почти всегда соседствуют в предложениях.

На том районе жила Юркина двоюродная сестра Ульяна. Она на каникулах приехала в гости к Юрке и между делом рассказала, что Шаман, главарь бановских, ищет Царя. Мол, на тех выходных на ночной дискотеке в ДК, Царь его младшего брата хорошо побил. Юрка пробил информацию у одноклассников, и те подтвердили. Сказали, что Царь был очень пьяный на дискотеке, и не понимал кого бил, а когда узнал, что брат самого Шамана лежит в больнице с сотрясением мозга, чуть коньки не двинул от страха. И теперь вся компашка Царя затаилась, боятся расплаты. Юрка выпытал у Ульяны где можно найти бановских, и теперь предлагает к ним идти... План у него, конечно, хороший – заложить Царя, но если что-то пойдет не так?..

– Если Царь знает, что его ищут, то навряд ли он со своими дружками сидят в «игровых автоматах». Все на районе знают, что это их место. Они наверняка затаились у кого-нибудь на квартире. И с чем же ты пойдешь к бановским?

– Я видел как Царь и толпа крестовских входили в общагу, которая напротив моего дома. Я думаю, что они там и ошиваются теперь.

– Юр, ну ты как маленький! Ты к детишкам в детский садик собираешься, или к самой страшной компании нашего города! Надо не «думать» а наверняка знать, где найти Царя!

– Тогда как стемнеет, пойдем к той общаге и будем следить.

– Вот еще! – фыркнула я. – Никуда не пойду! Ни за Царем следить, ни к бановским этим. Я так-то жить хочу.

– Ладно, трусиха, не хочешь так, тогда я уйду из школы! Вот прямо завтра попрошу мать забрать документы!

– О как заговорил! Быстро ты от своих слов отказался: «Я тебя не брошу, я без тебя не уйду!» – покривлялась я. Юрка отрешенно смотрел куда-то за мои плечи, как будто не слышал, что я говорю.

– Хотя ты права Муха... – задумчиво сказал он. – Тебе не надо идти со мной к бановским. Я тебя еще раз втягивать не буду. Сам пойду! Но сначала прослежу за крестовскими. – Юрка свернул листочек, на котором было нарисовано, как добраться до бильярдной, в которой по вечерам можно найти бановских, встал с кровати и пошел в прихожую.

Я стояла посреди комнаты стиснув зубы от злости: идти к ним страшно, но и Юрку одного я не могла отправить. Еще в штаны наложит от страха, когда будет с бановскими разговаривать. Да и ему точно понадобится переводчик: он сто процентов будет сильно заикаться. А еще, если что-то пойдет не так, то он точно вскоре свинтит из школы, чего я не могла допустить.

– Ладно, я с тобой! – крикнула, пока Юрка не успел выйти из квартиры. – Только пойдем, когда стемнеет!

Потом я не раз вспомню этот момент. Именно в ту минуту я приняла решение, о котором мне пришлось очень сильно пожалеть...

* * *

– Чай допиваем и выходим, – судорожно вздохнул Юрка.
– Ух, боюсь... – поежилась я.

Одно дело – идти следить за Царем на нашем районе. Если что, убежим. Нам не привыкать петлять по дворам со скоростью ветра. А вот поехать на чужой район, чтобы настучать, вроде как, на своих же – совсем другое. Как бановские отреагируют на наш визит, только одному богу известно...

– Люська, загадай желание, у тебя на щеке ресничка, – улыбнулся Юрка застегивая куртку.

Закрыв глаза, я проговорила про себя: «Не оставляй меня никогда, никогда, никогда».

– Здесь? – спросила я, тыкнув указательным пальцем в левую щеку.

– Не-а, не сбудется, – засмеялся Юрка, подул на мою правую щеку и вышел на площадку.

– Именно этого я и боюсь... – вздохнула я, и вышла из квартиры.

Озираясь по сторонам, побежали к общаге. Спрятались за

углом, здесь как раз было темно и хорошо просматривался вход в подъезд. Проторчали там полчаса. Люди входили и выходили, но никого из компании Царя не было.

– Может, они просто к кому-то в гости ходили тогда? – едва я успела спросить, как на мою голову прилетело что-то мокрое и холодное.

Я дотронулась до макушки и, брезгливо сморщив лицо, подняла голову вверх. На одном из общих балконов слышались голоса и хлопок двери. В темноте было видно, как чиркнули зажигалки и замелькали угольки. И тут мне снова прилетело, только уже на лоб.

– Фу! – я вытерла лоб и голову рукавом куртки. – Меня оплевали!

– Т-с-с-! – Юрка закрыл мне рот рукой, затем наклонился и повел под балкон.

– Макс, может, стоит съездить к его брату в больницу и извиниться? – сказал кто-то.

– Ну да, если я хочу себе смерти, то, конечно, съезжу и извинюсь, – раздался голос Царя. – Бритва, ты думаешь, что все так просто? Шаман ищет меня явно не для того, чтобы выслушать извинения. Да он даже слова не даст сказать, пухнет из травмата, и поминайте, как звали.

– Царь прав. Нам надо отсиживаться пока все не утихнет.

– Я же тебе говорил, что они здесь! – шепнул Юрка.

Рядом с балконом, под которым мы сидели, упали чинарики. А затем снова захлопали двери.

– Уносим ноги! – Юрка схватил меня за руку и мы драпнули к моему дому.

А там нас ждал еще один сюрприз: соседскому ротвейлеру не понравилось, как мы несемся по двору и он, с громким лаем бросился за нами.

– Убери свою собаку! – подбегая к моему подъезду, кричал Юрка пьяному хозяину собаки. А тот, похоже, забыл, как складывать буквы в слова, мычал что-то невнятное, размахивая поводком. Нам удалось заскочить в подъезд и захлопнуть дверь прямо перед носом злобной псины.

– Ну и д-денек! – быстро дыша, сказал Юрка и сел на подоконник между вторым и третьим этажами.

– Надо найти баллончик, – пропыхтела я. – А не то когда-нибудь она меня сожрёт.

Когда хозяин собаки трезвый, он выгуливает своего зверя на поводке и в наморднике. А когда он в дрова, то собака гуляет сама по себе и в любой момент может наброситься на кого угодно. Мама купила мне специальный баллончик, отпугивающий собак. А я все забываю брать его с собой.

Когда мы с Юркой отдышались, поднялись ко мне и обговорили наш план на завтра. Пытались найти нужные слова, чтобы бановские нас выслушали. Записали все на листок. Несколько раз проговорили. И только потом Юрка отправился домой.

Завтра нам предстоит пойти к тем, кого знает и боится почти весь наш город. И им сдать своих, крестовких. Какое-то

нехорошее чувство внутри... Это не страх, и не трусость. Как будто от нашего решения слишком многое зависит. Держим за рычаг – механизм запустится, и его уже никто не остановит.

Глава 10

До вокзала нам нужно было проехать семь остановок. А когда пешком далеко, и денег на проезд нет, можно попробовать зайцем. Юрка сказал, что у него есть план. Я даже не стала спрашивать какой именно. Почти все его планы провальные.

На остановке было очень много людей.

– Видимо, автобуса давно не было. Нам это только на руку: чем больше людей, тем лучше! – трясясь то ли от холода, то ли от страха, сказал Юрка.

Приехал автобус. Мы пропустили людей вперед, а сами встали у двери, чтобы выскочить на ближайшей остановке, если нас заметят.

– Передаём за проезд! – раздался голос кондуктора.

Полная женщина подняла над головами пассажиров сумку, из которой торчал рулон билетов, и протискивалась все ближе и ближе к нам. Мне стало страшно, а Юрка как ни в чем не бывало разглядывал листочки с объявлениями на стенах автобуса, и делал вид, что не слышит кондуктора. Пока она добиралась до нас, удалось проехать целых три остановки.

– Молодые люди! – обратилась к нам женщина. – За проезд передаем!

Юрка с притворным непониманием обернулся к ней:

– Экскьюзми? – выдал он.

Кондуктор, выгнув одну бровь дугой, удивленно уставилась на «иностранца».

Я отвернулась и засмеялась в воротник куртки.

– Я говорю, мани, мани за проезд!

– Сори, ай донт спик! – я еще больше задергалась от смеха и толкнула Юрку в бок. Он отвратительно говорил по-английски. – Айм нот раша! Не понимать, – развел руками Юрка.

Судя по улыбкам пассажиров, в автобусе только Юрка верил, что он иностранец.

Кондуктор бросила взгляд на его потрепанные синие кеды, на куртку, с надписью «Русский север» на груди, и, уткнув руки в бока, отрезала.

– Слышь, американец! Если сейчас за проезд не заплатишь, то дам пенделяуса по жопаусу и вылетишь из автобуса напрямиком в Америку!

В этот момент автобус остановился на остановке, и мы выскочили из него, едва успели открыться двери.

– Ну ты балда! – хохотала я на всю улицу.

– Думал, прокатит, – обиженно буркнул Юрка. – А ты могла бы и подыграть!

– Ага, – еще больше хохотала я и стала изображать невозможное лицо Юрки. – Экскьюзми? Айм нот раша! – у меня живот свело от смеха. А Юрка шагал злой и красный. – Лучше в следующий раз глухим притворись, так хоть мень-

ше опозоришься. Американец ты недоделанный!

Веселье быстро улетучилось, когда мы спустились с моста и подошли к вокзалу. Нам нужно было пройти метров триста вдоль пятиэтажек, затем свернуть в темный, безлюдный переулок, пройти еще метров двести, и мы окажемся у бильярдной.

– Ох, Юрка, чем дальше, тем страшнее! – по моему телу пробежали мурашки.

Идти к самой большой и опасной компании города в чужой район, поздно вечером, могут только два идиота, как мы.

– Не ссы! Бить нас точно не будут, это не в их п-правилах.

Мы подошли к двухэтажному кирпичному зданию, где была вывеска, в которой не горели буквы в середине, и вместо «бильярдная» получилось «бильная».

– Даже название соответствует... – судорожно вздохнула я, почему-то представив, что внутри как в камере пыток: протыкают глаза кием, засовывают в одно место бильярдные шары... – Юрка! – я дернула его за руку. – Давай еще раз подумаем!

– М-муха, если ты б-боишься, то иди на-назад! Я с-сам п-поговорю с ними!

– Если ты будешь так за-заикаться, то тебя и слушать не станут, а приколотят кием к бильярдному столу! – рявкнула я.

Скрипнула железная дверь, и на улицу, подкуривая сигарету, вышел крепкий парень в кожаной куртке нараспашку,

с большим шрамом на лице и татуировкой змея на шее.

– Змей, – шепнул Юрка.

Кличка этого парня часто гремела в компаниях: «Змей подстрелил кого-то», «Змей башку проломил», «Змея менты приняли». Он нахмурился, увидев нас, сделал затяжку и спустился на пару ступенек. Я невольно шагнула назад.

– Чего тут трётесь? – грубо спросил парень.

– М-мы это...

– Шамана ищем! – пискнула я.

После небольшой паузы парень засмеялся.

– И зачем он вам?

– Д-дело важное есть, – ломающимся голосом ответил Юрка.

– Важное, говорите?.. – усмехнулся парень. – Ну, тогда слушаю!

Мы с Юркой переглянулись, не зная, что делать: говорить про Царя Змею, или все же попросить его позвать Шамана. Но когда парень свел брови к переносице и сердито уставился на нас, решение пришло само собой.

– Мы знаем, где найти Царя, – протараторила я, пока он не захотел надавать нам по шее.

Змей резко изменился в лице, его явно это заинтересовало. Он бросил в урну окурки, и зашел обратно в здание.

– Я сейчас в обморок упаду от страха, – прошептала я, чувствуя, как сердце забилось у горла.

– Я тоже, – шепнул Юрка.

На улицу вышло человек пятнадцать. Все как на подбор: лица бандитские, взгляды недобрые, почти все в черных кожанках, у некоторых я заметила татуировки на руках, и даже прически почти у всех одинаковые: волосы коротко подстриженные. Кто-то спустился к нам, кто-то остался наверху. Мы понятия не имели кто из них Шаман, и был ли он среди вообще среди них.

– Повторите, с чем пожаловали! – приказал Змей.

– Мы знаем, где найти Царя, – пропищала я.

– Выкладывайте! – сказал громила с четками в руках.

– У нас есть усл...

– Просьба! – перебила я Юру, подумав, что не стоит им ставить никаких условий. – Если мы расскажем вам, где найти Царя и его компанию, то не могли бы вы защитить нас от них? Мы сами с того района, а за помощью пришли к вам, потому что больше не к кому.

Я заметила, что один из парней, оставшихся на самой верхней ступеньке, пристально смотрел то на меня, то на Юрку. Мне показалось его лицо очень знакомым, как будто мы недавно где-то виделись.

– Слушайте, милюзга, вы ничего не перепутали? – к нам направился здоровенный качок, остановился напротив, закрыв своей фигурой вид на всех остальных, и принялся разминать кулаки. – Здесь где-то написано «Центр оказания помощи»? – мы испуганно замотали головами. – Говорите где Царь и валите отсюда, пока ноги целые.

Смотрела на парня, как мышонок на удава, и не могла произнести ни слова. Ком в горле не давал сглотнуть, и внутри поселилась какая-то жуткая смесь страха, обиды, отчаяния, и чувства безысходности. По моим щекам покатались слезы. Как мне захотелось отмотать время назад и остаться дома, вместо того, чтобы переться сюда. Сейчас нам придется заложить Царя, а потом, когда Царь об этом узнает, он нас убьет. Если, конечно, его не прикончат первым.

– Ну! – подгонял громила.

Мы с Юркой переглянулись и оба поняли, что отступать некуда. Придется рассказать.

Пока Юрка сильно заикаясь объяснял как на нашем районе найти общагу, в которой мы видели Царя, я никак не могла унять слезы. Опустила голову, чтобы никто их не видел и только носом шмыгала.

– Ну, молодца! Так сказать, спасибо за полезную информацию, – закончив разминать кулаки, парень сунул руки в карманы и выпрямился. – А теперь проваливайтесь отсюда!

Больше не проронив ни слова, мы потопали в сторону моста. Воротник куртки пропитался моими слезами. А в голове была одна мысль: Боже мой, что же мы наделали...

– Стойте! – раздался голос за нашими спинами.

Мы одновременно застыли на месте. Переглянулись. Я заметила, как у Юрки задергался глаз. Развернулись и увидели, как по ступенькам спускается парень, который весь наш разговор пристально смотрел то на меня, то на Юру.

– Лица у вас знакомые... – парень подошел ближе и по очереди обвел нас взглядом. – Слушай... А не ты ли достала из пруда мою сестру? – обратился он ко мне.

И я узнала в нем парня, который тогда бросился в пруд и забрал из моих рук девочку. Я разволновалась от счастья и забыла все слова на свете. Что-то мне уже подсказывало, что сегодня мы обречем надежную защиту.

– Она! – ответил за меня Юрка и толкнул локтем в бок. – Ты чего тормозишь? – прошипел он.

Парень ослепительно улыбнулся и протянул мне руку. Я робко протянула свою.

– Спасибо тебе! Человеческое спасибо! – он крепко сжал мою ладонь. – Что могло случиться с ней, если бы не ты! – он смотрел на меня с огромной благодарностью и долго не разжимал ладонь. – И ты молодец, что на помощь позвал! – переключился он на Юрку и похлопал его по плечу, как-то по братски, что ли. – Я ведь даже не поблагодарил. В шоке был, извините ребята. Да и сестра вся замерзла и перепугалась сильно. Пришлось сразу домой везти. Вот еще думал, как мне вас найти, чтобы отблагодарить. А вы тут сами нарисовались, – посмеялся парень. – Видимо, судьба!

К нам подошел Змей.

– Шаман, тогда это уже меняет дело! – мы с Юркой раскрыли рты, узнав, что сестру самого Шамана спасли! – Ну что, поможем ребятам?

– Конечно! Это дело чести! – улыбнулся нам Шаман.

Все остальные его поддержали и с этого момента смотрели на нас не как на двух малолеток, а как на героев.

– Пойдемте к нам, расскажете, что у вас стряслось.

Толпа расступилась, и мы с Юркой уверенно направились в бильярдную.

Внутри было несколько столиков с кожаными диванами, три бильярдных стола, над которыми горели яркие лампы, телевизор, транслирующий боксерский матч, за барной стойкой протирал стаканы бармен, а к столику, за который нас проводили, подошла улыбчивая официантка и положила на стол меню.

– Два чая и... – Шаман обратился к нам. – Ребят, вы пиццу любите?

Мы с Юркой кивнули.

– Выбирайте! – он пододвинул к нам меню.

Я тыкнула пальцем в первое попавшееся название, а Юрка, гаденыш, внимательно изучал ингредиенты всех предложенных пицц. Как будто его на свидание пригласили!

– Я буду «Мясную», – улыбнулся он официантке.

За нашим столиком сидели только мы с Юркой, Шаман и Змей, а все остальные расположились за соседними.

– Как вас звать-то? – спросил Змей.

– Юра.

– Люда.

– Змей, – он подмигнул мне и пожал руку Юрке.

– Меня вы уже знаете, – сказал Шаман. – Можно просто

Костя, – улыбнулся он, и обвел взглядом соседние столики. – Остальных перечислять не буду. Все равно всех не запомните.

Шаман снял куртку, размял широкие плечи, шею, и ослабленно откинулся на спинку дивана.

– Ну что, Юра и Люда, внимательно вас слушаем.

Мы с Юркой, перебивая друг друга, рассказывали как нас достал Царь. И про то, как штаны с Юрки стащили, и как мне волосы обрезают. Юрка показал им шрам от ожога.

– Вот так Царь! – сказал кто-то из парней.

– Недолго ему осталось.

– Жаль, еще молодой был... – посмеялся кто-то.

– Рано еще о нем в прошедшем времени говорить.

– А у него другого пути не будет. Он подписал себе приговор.

Мне стало не по себе от их слов, и совсем не нравилось, что они говорили о Царе в прошедшем времени. На что способны эти парни? Неужели, убьют?.. В отличие от меня, Юрка с довольной физиономией уплетал пиццу и хихикал над тем, как парни обещают уничтожить Царя.

– А ты чего не ешь? Испугалась что ли? – улыбнулся мне Шаман. – Да они же шутят. Так, проучим мальчика, чтоб больше не проказничал, – подмигнул он и кивнул на тарелку. – Ешь давай, пицца остынет.

Когда мы допили чай и съели пиццу, Шаман предложил подбросить нас до нашего района. Сели в черную иномарку с

тонированными стеклами, Шаман включил музыку, и с комфортом, доставил нас до моего дома.

– В общем, завтра отсидитесь, а послезавтра уже смело можете идти в школу! – сказал он напоследок.

Глава 11

– Ой, Люська, что-то страшно. А вдруг они к ним не ездили? Или ездили, да забыли сказать, чтобы нас не трогали. Может, сначала к кому-нибудь из класса сходить на разведку, и узнать Царь в школе или нет?

– Шаман слов на ветер не бросает! Я надеюсь... – скидывая учебники в сумку, ответила я. – Вчера школу прогуляли. Не хватало еще, чтобы классная домой заявила! Надо идти!

– Надо идти! – передразнил меня Юрка. – Конечно, не с тебя штаны сняли! – он встал с моей кровати и тяжело вздохнул. – Смелая нашлась...

– Думаешь, мне не страшно?

– Ой, да ты и ночью в подвал под тревожную музыку пойдешь, знаю я тебя, – Юрка поднял свитер и гордо заявил. – Смотри, что я придумал!

Я чуть со смеху не упала, когда увидела полосатые подтяжки, прикрепленные к брюкам.

– Чего хохочешь? Зато штаны не стянут! – он оттянул лямку и тут же отпустил, шлепнув по голому животу. – Видала, как крепко держатся!

На всякий пожарный мы решили прийти в школу со звонком. Я побежала на третий этаж в кабинет химии, а Юрка на первый, на биологию.

– Мухина, у нас урок в восемь часов начинается, а не в восемь ноль пять! – строго сказала учительница и кивнула мне на свободную парту.

– А она у нас не Мухина, а Улиткина! – выкрикнул Степанов. – Сами понимаете, пока доползёт, пока переоденется, – в классе послышались смешки. Проходя мимо этого умника, шлепнула по его кудрявому затылку.

Весь урок Дашка с Иркой о чем-то шептались. Химичка им раз пять сделала замечание, а потом Ирку пересадила за мою парту. Та минут пять помолчала и заговорила теперь уже со мной.

– Ты в курсе, что Царев в больнице лежит? – шепнула она.

– Нет.

– Блин... – нахмурилась Ирка.

– А что с ним?

– Да говорят, драка была какая-то. Очень кровавая. Всем крестовским ноги и руки переломали. Царю больше всех досталось.

– Ужас... – в груди что-то сдавило от ее слов.

Да, с одной стороны, мы освободились от Царя и всей его

компашки. Но с другой... А если они его инвалидом сделали?

– А с чем он в больнице лежит? – прошептала я.

Ирка пожала плечами.

– Ты про бановских слыхала?

– Так, немного... – соврала я.

– Говорят, это они наших избили.

– Щеглова! – я вздрогнула от громкого голоса учительницы. – Я тебя зачем к Мухиной посадила, чтобы ты с ней поболтала? Может, вам чаю с баранками принести, а мы все выйдем в коридор, чтобы вам не мешать?

Ирка уткнулась в учебник и до конца урока не проронила ни слова.

После химии я побежала на первый этаж искать Юрку. В коридоре наткнулась на Хохла. У него под глазом был сине-фиолетовый синяк и забинтована левая рука. Хохол, увидев меня, опустил глаза и быстро зашагал в противоположную сторону.

– Людка! – в конце коридора махнул рукой Юра и со счастливой улыбкой бросился ко мне навстречу.

Я шла к нему с каменным лицом.

– Ну что, наши победили! – радостно крикнул он и давай меня обнимать. Я его тут же отпихнула.

– Ты дурак? – крикнула я в его радостное лицо. – Ты вообще в курсе, что Царь в больнице?

– Конечно! Весь класс об этом гудит. Зато теперь и на пу-

шечный выстрел к нам не приблизится! Всем его друзьям вчера хорошенько досталось. У кого переломы, у кого сотрясение. Но этому гаду больше всех досталось!

– Юра, очнись, – я пощелкала пальцами возле его лица. – А если бы его убили? Ты понимаешь, что это мы были бы в этом виноваты!

– А ты когда к бановским шла, о чем думала? Что они возьмут с собой шампанского, конфет, и пойдут с ним мило беседовать? Мы ведь оба понимали, что будет драка! Что прольется кровь!

– Идиот... – вздохнула я. – Опять «Бригаду» смотрел? Бандит ты недоделанный, который носит подтяжки, чтобы штаны не стянули, – дала ему щелбан и пошла в столовку.

Юрка постоял несколько секунд и побежал за мной.

– Да ладно тебе, Царь же не умер! У него с ногой что-то и сотрясение мозга. Я считаю, что он это заслужил! – Юрка ткнул пальцем в свой ожог. – Зато те, кто вчера уцелел в драке, теперь меня стороной обходит. Я после биологии в тубзик зашел, а там Сиплый, я по привычке назад попятился, а он мимо меня прошел и даже плечом не задел, даже слова ни сказал! Я чуть не присел от удивления! Во, думаю, как их шуганули! Значит, Шаман свое слово сдержал и передал им, чтобы нас больше не трогали. А значит, мы с тобой выиграли эту войну! И нас больше никто не тронет! Радоваться надо, а не с кислой миной ходить!

Царь в сознании, и не при смерти, фух... И я поймала себя

на мысли: вот почему я его жалею? Он унижал меня, отрезал волосы, угрожал подпалить мою руку зажигалкой. Наверняка он не думал о том, как мне было больно, обидно, стыдно, противно, когда мне в лицо смеялись, когда я, вымазанная в грязи, стояла на коленях и плакала. Воскресив в памяти эти жуткие воспоминания, я успокоилась и прекратила карать себя за то, что Царь сейчас в больнице. Да и травмы у него не смертельные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.